

Струны сердца

Окабэ Ольга

12+

Ольга Окабэ

Струны сердца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67707132

SelfPub; 2022

Аннотация

История о горе-гитаристе и запыленном менеджере... о том, как создавалась музыкальная группа где-то на окраине Осаки и о сотнях попыток ради того, чтобы стать популярными. Поклонникам группы Неу-уо! посвящается.

Ольга Окабэ

Струны сердца

===== Последний роковой дебют =====

Маленькое неприглядное и не обладающее гордым правом называться красивым помещением музыкальной студии, о музыкальном назначении которого можно было догадаться только по находящимся там гитарах и не первой свежести барабанам, наполнилось крайне неприятным и режущим слух звуком, никак не имевшем места в проигрываемой песне. Не в первый раз, стоит заметить.

– Опять! – воскликнул парень лет двадцати, до этого певший прерванную песню. От резкого порыва недовольства он забыл выключить микрофон, поэтому его крик оглушил всех находившихся в помещении, включая и его самого. – Опять! – повторил он, все-таки выключив этот самый микрофон, и уже намного более тише. – Сколько можно? Всё одно и то же, снова и снова... Аккорды не для тебя, да? Струн боишься?

– Хиро-сан, я... – тихо заговорил объект критики.

– Что? Давай, говори свои оправдания. Ну так?

– Струны старые, вот.

– Они виноваты, да? Тогда слушай сюда. Если ещё раз такое повторится, этих струн вместе с твоей гитарой здесь и в

помине не будет, понял?

– Да.

Песня началась заново. Немного слащавая, но иногда агрессивная, она, тем не менее, началась. Но, несмотря на обещание об отсутствии дальнейших ошибок, через недолгое время непрощеный звук вновь огласил студию. Спустя недолгую пору ворчаний и ругательств было решено обойтись на первых порах одним гитаристом. Неплохой музыкант, но...

– Юта, я предупреждал, – неожиданно тихо начал Хиро. – А теперь... ВОИ!

Остальные участники группы сочувственно посмотрели вслед младшему, уныло бредущему по направлению выхода. Хорошо, хоть гитара цела осталась, подумалось вдруг Юте по дороге к станции метро Ёцубаси. Всё равно он уже подумывал о том, чтобы уйти из этой группы, ведь всегда можно начать сначала.

Сидя в вагоне поезда метро, он отбивал пальцами ритм их последней песни, весьма глупой на его взгляд. Не было никакого ритма. «А этот Хиро, гад...» – начал про себя ругать солиста Юта, продолжая это увлекательное занятие всю дорогу обратно. Всё воскресенье пошло насмарку.

С тех пор, как он переехал из Дайто* в Осаку, сегодняшняя неудача стала самой большой за всё время проживания в этом городе. А ведь всё начиналось так хорошо! Хорошая старшая школа, сравнительно дружный выпускной

класс, крутая группа, которая пригласила его играть... И вот в один пасмурный осенний день, как раз накануне серии промежуточных тестов, удаче показалось, что она уделила слишком много внимания одному ему. Но, вышло так, что это было ещё не всё.

– Хирамаки-кун, снова опоздал?

На работе его встретил управляющий дешёвого ресторана, где Юта занимал значительную должность, а именно, должность посудомойки, или же – менеджера по мойке посуды. Этот выговор не стал последним, продолжившись замечаниями по поводу недостаточной чистоты тарелок. На просьбу уйти сегодня пораньше управляющий ответил, что больше он может не приходить на работу вообще.

– А как же... – начал было Юта.

– Нет, – отрезал управляющий. – Закрой дверь с той стороны.

Если в первой половине дня Юта ограничивался тем, что пинал по дороге мелкие камни, расстроившись от неудачных отношений в группе, то теперь готов был разрушить целый квартал, а когда...

– Ты уже несколько дней задерживаешь плату за квартиру, – проворчала ему вслед Фуруде-сан, хозяйка жилища.

...тогда он был готов разрушить и разбомбить уже весь город. Сколько всего за один день!

Это стало последней каплей, заставившей его отгородиться от всего мира дверью, не внушающей на первый, и даже на

второй взгляд, большого доверия, и оказаться в помещении, которое Фуруде-сан гордо обозначила понятием квартира, и, конечно же, не являющимся таковым. Комнатка с прилегающими к ней удобствами первой необходимости, скорее. Гитара была неаккуратно поставлена около стены, после чего не преминула громко удариться о пол. Да, вот теперь точно последний аккорд. Что же дальше?..

*Дайто – небольшой город в префектуре Осака.

Немного похожая, правда, не до самых мелких деталей, сцена произошла на другом конце города. Может быть, повлияла электромагнитная буря в этот день на поведение людей, может быть, – сообщение о лёгком землетрясении, но, тем не менее, сцена, как и у нашего предыдущего героя, произошла. Теперь можно взглянуть мельком на её продолжение.

– Уже третий, – скучающе произнес барабанщик.

– Так же и с четвертым будет, – добавила клавишница.

– И что же, в таком случае, делать?

Трое человек смотрели на гитариста с еле скрываемым раздражением. По его вине вот уже который день не было репетиций в их традиционном понимании. А всё потому, что его один за другим не устраивали участники, непосредственно отвечающие за ритм. Он этих взглядов не замечал, а, может, искусно притворялся, и обдумывал что-то свое. Комната, слабо освещённая лампами и щедро – заходящим солн-

цем, медленно наполнялась отравленным раздражением воздухом.

– Дзюн, ты не перебарщиваешь? – осторожно спросила девушка с короткими волосами, в которых посверкивали розовые пряди.

Она уже хотела подойти к нему, но его взгляд, брошенный в её сторону, заставил её остановиться и даже попятиться обратно, будто синтезатор мог послужить самой лучшей защитой в этом жестоком мире.

– Тот постоянно сбивался, после него – выучить ничего не мог, этот просто не подходит... – перечислял Дзюн. – Нет, я не перебарщиваю. Да ты и сама-то, – он оценивающе посмотрел на девушку, – в довольно шатком положении.

– У тебя на работе проблемы? А может, в личной жизни? – вдруг спросил парень, сидящей за ударной установкой.

– Чего?

– Да так, просто спросил...

– Томору, думай осторожней, о чём его спрашивать, – посоветовала девушка, уже успевшая сникнуть. – Иногда он становится действительно страшным.

На некоторое время установилась тишина. Томору разглядывал свои барабанные палочки, будто это было самым важным на свете, Дзюн задумчиво перебирал пальцами струны электрогитары, спиной прислонившись к стене, а девушка с завидной периодичностью нажимала одну и ту же клавишу синтезатора.

– Харука! – не выдержал-таки, наконец, этого постоянно-го звука молодой человек с крашеными светлыми волосами, до этого пролистывающий какой-то журнал. – Перестань, – добавил он уже мягче.

– Что-то ты нервный в последнее время, Кента-кун, – откликнулся на это Томору.

– Этот... – он кинул в сторону Дзюна довольно неприветливый взгляд, – этот Кикучи-кун кого угодно доведет. Давайте всё-таки начнём репетицию, – обратился он ко всем.

– Без бас-гитары? – Дзюн вопросительно поднял бровь.

– Хотя бы без неё. Что поделать, если тебя никто не устраивает?

– Нет, нет, так не пойдет...

– Тогда мы возьмем первого попавшегося гитариста, которого встретим.

– Я «за», – вставила Харука.

– Поддерживаю, – поддакнул Томору.

Несмотря на явное нежелание следовать общему решению, Кикучи Дзюн был вынужден согласиться.

– Вот только вряд ли мы так быстро найдём первого попавшегося, – добавил он.

Остальная репетиция проходила как всегда. В меру шуток, достаточно сарказма и масса советов. Обычное дело. Закончили поздно, далеко за полночь, и, выходя из дома Аоки Томору, подвал которого служил им своеобразной музыкальной студией, девяносто процентов участников груп-

пы зевали с завидной периодичностью. Все, кроме одного. Кикучи Дзюн выглядел вполне бодрым, если не замечать его глубокую задумчивость и крайне недовольное выражение лица.

– Сколько человек тебе ещё понадобится прослушать, когда ты, наконец, скажешь, что он подходит? Сотню? – спрашивал Кента. – Концерт через неделю – не так уж много времени.

Он и Дзюн брели по улице к станции Ёкозотсуми, распрощавшись со второй половиной группы, им было ехать дальше всего. Ночь темна, воздух свеж – самая приятная обстановка после душного помещения. Цветные огни рекламных вывесок слабо поблескивали, с трудом пробираясь сквозь запутанные ходы тёмно-зелёной листвы деревьев, изредка покачивающейся на ветру. Тихо.

– Если понадобится, то – да. Мне нужно идеальное звучание.

– В мире нет ничего идеального.

В ответ на это Дзюн только пожал плечами, заставив мотнуться в сторону футляр с гитарой, легкомысленно висевший у него на одном плече.

После дня, который трудно было бы назвать лёгким, и утомительной репетиции, вымотавшей окончательно, они решили расслабиться. Район Дотонбори* прекрасно для этого подходил, и пара клубов с караоке в придачу, куда Такахаши Кента любил захаживать для «развития своих вокальных

способностей», как он говорил, помогли расслабиться на все сто. После такого громкого звучания в голове осталась звенящая пустота.

Ночью многие звуки могли нарушить гармонию, ведь мир не спешил окунуться в положенный ему в это время сон. К метро они продолжали идти молча и были вынуждены, хотели они этого или нет, слушать эти самые звуки. Откуда-то доносилась приглушённая музыка, где-то слышалась мяуканье кошки, люди разговаривали, разговаривали... Один звук отличался от всех прочих. Гитара звучала всё отчетливей по мере того, как они подходили к станции метро.

– Ты это тоже слышишь или у меня галлюцинации? – всё-таки спросил Кента.

– Тогда у нас общая галлюцинация... я это тоже слышу. Чёрт возьми, это как раз то, что нужно, – с воодушевлением произнёс Дзюн.

Около метро в Дотонбори всегда было большое скопление людей, будь то рабочий или выходной день, так уж повелось. В этот раз многие из этого скопления то и дело останавливались перед человеком, расположившимся со своей гитарой прямо около входа на станцию, поставив небольшой усилитель на землю. В принципе, обычное дело. Но вот только музыка была необычной. Чёткие ритмы, чистый звук заставляли остановиться около него каждого второго прохожего. Вот только не каждый был готов расстаться со своими денежками. Песни никому не известные, оттого интересные всем, че-

редовались с песнями, давно въевшимися в память под влиянием радио и телевидения, но с добавлением чего-то своеобразного, своего.

– Эй, я же не бесплатно тут стою, – обратился парень к Дзюну и Кенте. – Хотите слушать дальше – платите.

Оказалось, они задержались перед ним дольше, чем предполагали сами, простояли с десятков минут. Уличный гитарист, среднего роста, с растрепанными волосами, в пиджаке, больше смахивавшем на школьный, что не мешало ему быть испещрённым значками, был не такой уж взрослый для прозвнесённых угроз. Двое переглянулись.

– Причесать... – пробормотал Кента, кинув в его сторону оценивающий взгляд.

– Переодеть... – добавил Дзюн.

– И будет как новенький, – прозвучало заключение. – Ты не хочешь играть в группе? В смысле, не один, а именно в группе?..

– Да понял он уже, – прошипел Дзюн.

Парень недоверчиво посмотрел на них, отпустив гитару на самостоятельное существование, что позволило ей просто повиснуть на ремне.

– А если и хочу, тогда что? – после долгого молчания сказал он.

– Тогда можешь присоединиться к нам. Будешь выступать с нами.

– Это вы-то группа? – деланный смешок. – А ты, небось,

поешь?

Он невежливо ткнул пальцем в сторону Такахаши. Тот только кивнул.

– В первый раз вижу вокалиста с таким тихим и тонким голосом.

Тот не ответил. Только глаза начали метать искры так, что могли бы освещать пространство в радиусе пяти метров. Он никогда не выносил критику и не сдерживал его в тот момент Дзюн, пошёл бы на невежду и его гитару с кулаками.

– А всё-таки подумай, – мягко сказал Дзюн, когда атмосфера стала менее наэлектризованной. – Надумаешь – позвони.

Он написал на клочке бумаги номер своего телефона и отдал парню, который, несмотря на все свое нежелание и всю свою сварливость, эту бумажку взял.

– А ты... Дзюн, – прочитал он имя, написанное под цифрами.

– Он самый.

Они уже начали идти дальше к станции, отошли на десятков шагов, пока их не окликнули.

– Дзюн-сан! Солист-сан! – он чуть смутился. – Юта... меня Юта зовут.

Струна, нечаянно задетая, издала долгий низкий звук.

*Дотонбори – одно из основных туристических направлений в Осаке.

А всё-таки не зря он вот уже который день стоял и развлекал всех, кому не лень было остановиться хотя бы на полминуты. И дело было даже не в деньгах, хотя они здорово помогли ему в сложившейся ситуации – оказалось, играть на гитаре на улице не такое уж провальное дело, и даже, наоборот, прибыльное. Просто эти люди, которых Хирамаки Юта встретил поздним вечером на Дотонбори, оказались не всего лишь случайными прохожими. Он всегда хотел играть в группе, только ему вечно не везло. И вот появились эти двое. Не сахар, конечно, но нужно только начать, чтобы прославиться. Судьба, наконец, действительно улыбнулась ему. Только нужно еще повременить со звонком, а то...

– Ты собираешься платить за квартиру?

От приятных раздумий его оторвала Фуруде-сан фразой, ставшей уже привычной для нескольких последних дней.

– Да, – неожиданно ответил ей Юта, широко улыбнувшись.

Через несколько минут, размышляя над тем, что Фуруде-сан может быть только роботом, если не спит в такое время суток в её-то возрасте, он высыпал на стол в её квартире все монеты, которые ему накидали. Хватило с лихвой. На полмесяца. А звонить сразу не стоило. Нет.

Следующий день начался с созерцания телефона. Он будто хотел испытать выносливость своего хозяина, маня к себе. Юта придумывал себе тысячу и одно дело для того, чтобы

отвлечься от навязчивой мысли позвонить этому странному высокому парню с гитарой за спиной. Юта видел достаточно музыкантов, чтобы составить себе примерное представление о среднестатистическом, но Дзюн этим стандартам никак не поддавался и был... своеобразным что ли. Не в силах больше сопротивляться желанию позвонить, чтобы «начать новый этап в своей жизни», как сам Юта себе это назвал, он с трудом нашел бумажку с телефоном и быстро набрал номер. Собирались ответить долго, и вышло только с третьего раза. Чтобы его вспомнить, Дзюну потребовалось около полуминуты и множество напоминаний. А он-то ожидал мгновенных распростертых объятий. Наконец, после серьезного разговора, который трудно было осуществить по телефону, Дзюн назвал адрес, по которому надлежало явиться без всяких опозданий, вечером, в восьмом часу. Далекое для проживающего в районе Конохана добираться в Тсуруми, но, стоило только вспомнить, что путь в тысячу ри* начинается с первого шага, а в данном случае – путь к славе – с нескольких десятков километров и пары пересадок с одной линии метрополитена на другую, и Юта после полного дня проигрывания всем знакомых мелодий на улице (деньги никогда не были лишними) уже шёл по указанному адресу, даже немного раньше названного времени. Простиравшаяся перед глазами местность совсем не соответствовала его ожиданиям, где разыгравшаяся фантазия рисовала полный набор студий и съёмочных площадок, в общем, всего, что могло и не мог-

ло прилагаться к музыкальной индустрии. Вместо всего этого всё чаще и чаще попадались частные жилые дома, пока не заняли обзор полностью. Маленькие и большие, высокие и низкие здания, среди которых не было ни одного, что несло хотя бы оттенок музыкального предназначения. Какое же будет то, что находилось по адресу, указанному Дзюном?

Оно оказалось довольно большим, это самое здание, по всем признакам напоминающее жилой дом. Подозрения Юты насчёт того, что Дзюн назвал неправильный адрес, всё увеличивались, ведь, когда он разговаривал с ним по телефону, тот явно куда-то спешил или был оторван от более важного занятия, чем разговор с уличным музыкантом. В любом случае надо было позвонить в эту дверь, перед которой Юта стоял уже около минуты. Он взглянул на табличку около входной двери. Семья Аоки. Что ж, пусть будет так...

Звонок.

Открыли не сразу, только после второго раза за дверь послышались чьи-то торопливые шаги.

– Здравствуйте, – сказала ему молодая барышня лет этак... Юта бы сказал, что четырнадцати. – Вам кого?

Вот и первое препятствие. А собственно, кого нужно было назвать? Молчание затянулось. Молодая барышня выжидающе смотрела на него.

– Я пришёл... к музыкальной группе, – наконец нашёл, что сказать, Юта, тут же мысленно обругав себя за неудачный вариант.

– А, это... – разочарованно выдохнула она и тут же крикнула куда-то в сторону, вглубь дома: – Нии-сан**! Тут опять к тебе.

Жестом она пригласила войти, что Юта сделал далеко не сразу, ещё немного помедлив. Как только он зашел, молодая барышня тут же быстро убежала наверх по лестнице, только её и видели. Юта остался один в чужой просторной гостиной. Посчитав, что сразу же садиться на диван, мягкий, но не блиставший новизной, не совсем прилично, он начал гадать, чья же сестра открыла ему дверь: Дзюна или того солиста с тонким голосом. После цепочки долгих размышлений он уже начал склоняться к последнему варианту, как всё его соображения разбились в пух и прах. Перед ним показался совсем незнакомый коротковолосый парень с чёлкой, зачесанной влево и длинным платком, обмотанным вокруг шеи, несмотря на то, что доме было довольно тепло, а мода на такие платки закончилась три месяца назад. Юта долго его разглядывал, уже начал прикидывать примерный возраст, где-то около двадцати, как понял, что дальнейшее разглядывание далеко неэтично.

– Здравствуйте, – поприветствовал он, поклонившись.

– Новый? Юта-кун, да?

Забыв выпрямиться, Юта кивнул.

– Мы ждали тебя. Иди за мной.

Тон этого человека звучал как-то совсем по официальному, заставляя чувствовать Юту совсем не на своем месте. Он

последовал за Аоки, проходя длинные коридоры и многочисленные двери. Откуда-то доносился детский смех, откуда-то – грохот (что-то упало), откуда-то – красивая мелодия, издаваемая клавишным инструментом. К последнему звуку им и предназначалось открыть дверь, которая вела, как оказалось, в подвал. Что ж, все когда-то с этого начинают...

– Наконец-то! Долго же я ждала. Где вы бродили? Ух ты какой! Молодой такой...

Вокруг Юты крутилась девушка, до этого вскочившая из-за синтезатора, на котором, видимо, и играла тут красивую мелодию, и начала обсматривать его со всех сторон, вынуждая его замереть и не сдвигаться с места.

– Вот наш новый басист, Юта-кун, – представил его девушке Аоки. – Я – Аоки Томору. А это Томояма Харука, наша временная клавишница.

– Временная?! Ты что! Да как ты?..

– Ладно-ладно, успокойся, – быстро исправился Томору душевного спокойствия ради, подняв руки в обезоруживающем жесте.

Харука отошла от него на несколько шагов, обиженно скрестив руки на груди и опустив голову.

– Тоже мне, «временная», – бормотала она. – Не придёт этот ваш Тода Мио, никогда не придёт...

Бормотание, которое становилось всё сложнее разобрать, продолжалось.

– Это надолго, – Томору махнул рукой в сторону Хару-

ки. – Скоро остальные подойдут. А пока давай, рассказывай.

Томору уселся на сидение за барабанной установкой.

– Что рассказывать?

– Ну, как сюда попал, кто вообще такой, сколько лет с гитарой и так далее...

– Я... – от обилия вопросов Юта окончательно смешался. – Вот ты сказал, что я – новый басист. Но я ведь никогда на бас-гитаре не играл. Ты, наверное, перепутал.

– Да?..

Дверь внезапно, как это обычно и бывает в середине разговора, открылась, пропуская ещё одного человека. Светлые крашенные волосы, чуть подчёркнутые чёрным карандашом глаза, как и подобает всем более-менее знаменитым адептам музыкального поприща, бесформенная кепка и легкомысленно расстегнутая на три верхних пуговицы рубашка... Да-да, тот самый парень, участие в группе которого Юта нещадно осмеял.

– Приветствую ваше величество, Такахаши-сама, – насмешливо поприветствовал вошедшего Томору.

– Приветствие принимается... А это кто? – он оценивающе оглядел Юту.

– А разве не вы его приглашали? – вопросом ответил Томору.

– А... пришёл-таки? – обратился он к Юте, когда в его глазах, наконец, появился оттенок узнавания.

– Да, пришёл.

– О-отлично, – растягивая гласные, сказал Такахаши. –

Осталось подождать только...

– А где он? – встрепелась Харука.

– Прямо здесь, – неожиданно раздался знакомый голос.

Мало кто заметил, как Дзюн вошёл в эту комнату, да это было и неважно – главное результат, который стоял прямо перед всеми, в расстегнутой чёрной куртке и футболке с плохо идентифицируемым рисунком, и вертел на одном пальце связку ключей.

– Уже давали гитару? Слушали? – приступил Дзюн к допросу всех, кто находился в подвальном помещении.

– Тебя ждали.

– Тогда начнём! Послушай, – обратился он к Юте, – изобретать ничего нового не надо, просто подыграй мне.

Парень быстро схватил покоящуюся до этого на потёртом диване электрогитару, настроил так, как ему было нужно, поправил ремень, да ещё сделал что-то, что понятно было только ему, что-то вроде заглаживания царапины, прошедшей по доброй половине корпуса, и начал наигрывать мелодию, в принципе, несложную, если вы знаете, что от вас хотят, и уже играли на бас-гитаре по крайней мере полгода. Для Юты это было в первый раз. Что ж, все когда-то бывает в первый раз. Остальные участники смотрели на него с любопытством. Ещё бы! От него зависела выручка в двести иен, потому как накануне завязался спор о том, продержится ли следующий претендент на вакантное место. За спором по-

следовал и тотализатор. И, тем не менее, о тотализаторе Юта ничего не знал, и просто играл так, как считает нужным, так, что и забыл, что находится в душном подвале среди незнакомых людей, будто существует только он и музыка.

– Принят, – вырвал его из полузабытья голос Дзюна.

– А?

– Говорю, теперь с нами играть будешь. Или не хочешь?

– Хочу!

– Тогда за работу. Начнём с...

– Ты не забылся? – осторожно поинтересовался Такахаши.

Дзюн нехотя смолк, больно уж плохо сохраняя наигранный покорный вид.

– А теперь начнем с той песни, которую будем играть на концерте. Нужно концовку другую придумать. Ну и... название.

У Юты это была первая репетиция, проведенная с новой группой. Несмотря на их разрозненный и на первый взгляд неупорядоченный вид, они были своеобразными и... интересными что ли. Для Юты это было тяжело – вот так, с первого раза стараться играть так, как совсем не играл раньше, но пальцы сами перебирали нужные струны, и к концу репетиции, когда уже почти наступила ночь и девочка, встретившая Юту в первый раз в этом доме, передала вежливую просьбу убавить громкость, а лучше затихнуть совсем, получилось всё легче и легче. Если не принимать во внимание

жуткую усталость.

– Кстати... – осторожно начал он, когда объявили конец репетиции. – Я тут забыл спросить. А название, какое у вас название?

Все четверо человек замерли на несколько секунд, сохраняя напряженный вид, будто им напомнили болезную тему, после чего общее движение возобновилось.

– Пока не решили, – наконец ответил Такахаши.

*ри – мера длины, примерно 4 км.

**нии-сан – обращение к старшему брату.

Неожиданно, но вполне объяснимо, немного холодно, но довольно солнечно настало двадцать девятое ноября. Пять дней. Вот уже пять дней Юта играл музыку, ставшую такой привычной, что он смог бы сыграть её и ночью во время сна, благо от него много не требовалось, ведь главное – попадать в ритм, что у него удавалось довольно хорошо. По крайней мере это устраивало Дзюна на первых порах. А первые порывы были довольно короткие, и вот уже настал он, тот последний день перед тем самым концертом, которым страшали тех, кто на репетиции осмелился сказать, что устал и хочет передохнуть. Поэтому в этот самый последний день работали до тех пор, пока не начали засыпать на месте.

Но всё имеет конец, и эта репетиция тоже не стала исключением. Конечно же, она бы продолжалась, не скажи Дзюн, что ему срочно нужно идти в... насчёт своего пункта назна-

чения он решил умолчать. Но это мало бы кого и интересовало, ведь главное – настала возможность отдохнуть. Пару часов. Что-то уж совсем рано назначили этот фестиваль молодых исполнителей. Юта поплёлся наверх глотнуть наконец свежего воздуха.

– Нэ, Юта-кун, – окликнул его Кента. – Тебе ведь в сторону Конохана?

Тот только кивнул. По прошествии этих пяти дней он глубоко раскаялся в том, как охарактеризовал голос солиста. Говорил-то он обыкновенно, но вот когда начинал петь... Что-то в этом голосе было необычное, что-то чистое, но с добавлением, когда это требуется, мягкой хрипотцы, если в песне момент, в котором нужно показать чувства, или же... этот голос можно было бы характеризовать до бесконечности, но ограничимся тем, что по прошествии этих пяти дней Юта убедился совершенно в обратном от того, что сказал раньше.

– Тогда пойдём вместе, – продолжил Кента, сказав последнее почти безапелляционно.

Что ж, ничего не оставалось, кроме как согласиться. Да и потом, это было нечто, похожее на примирение, ведь всё те же самые пять дней они довольно часто пререкались. Точнее Кента критиковал, а Юта старался не возражать, чтобы и эта группа не осталась всего лишь воспоминанием в его лохматой голове.

Улица встретила их холодным ночным дыханием, подгонявшим дойти быстрее туда, куда им нужно было, лишь бы

не беспокоили тихой холодной атмосферы. Да... тихо и холодно. Юта уже почти успел заснуть на ходу, убаюканный этой тишиной и домами, повторяющимися один за другим по обеим сторонам улицы, как вдруг они вышли на оживлённый квартал, где жизнь ещё затихать не желала.

– Есть хочешь? – вдруг спросил Кента, о существовании которого по левое своё плечо Юта уже успел забыть.

– А?

– Есть, спрашиваю, хочешь?

– Ну... это...

В итоге, так и не добившись вразумительного ответа, Кента завернул в первую попавшуюся закусочную, где, несмотря на позднее время, всё ещё продолжали подавать рамен. Юта последовал за ним скорее по инерции, чем по необходимости. Аппетитный запах сразу же согнал все остатки сна, уже начавшего обездвиживать тело, а тепло приятно согревало. Закусочная дёшево выглядела, но это не мешало быть рамену довольно вкусным, из-за чего первые пять минут сохранилась полнейшее молчание.

– Ты как здесь, один живешь или с кем-то? – не вполне ожидаемо начал Кента, более менее наевшись и теперь спокойно доедая остатки второй порции.

– Один... А ты?

– Когда как придется. Когда у себя, когда у друзей. К своей семье я не ходок.

– Почему?

Такой разговор для Юты был в новинку. Нечасто с ним говорил сам Его Величество Такахаши Кента.

– Надоело. Захожу только исклю-чи-тель-но по праздникам, – с расстановкой проговорил он. – Официальный обед там, этикет здесь... Надоело.

– Богатая семья?

– Можно и так сказать... Денег хватает. А ты? Что насчёт тебя?

– Я переехал сюда, – начал Юта, не зная, что именно нужно было рассказывать. Ведь на взгляд со стороны всё выглядело так скучно, как в самом обычном фильме дешёвого финансирования. – О... а это, наверное, брелок такой, дорогой, ручной работы? – перевёл он разговор на первое попавшееся на глаза, то есть на маленькую игрушку, приделанную к мобильному телефону, который Кента положил на столик на всякий случай.

– А, это мне Харука сделала. – Он чуть улыбнулся, взглянув на вязаную игрушку, похожую на панду и кота одновременно.

Несколько минут снова прошли в молчании. За это время они оказались единственными посетителями закуской.

– А можно насчёт неё спросить? – на этот раз прервал молчание Юта.

– Насчет кого?

– Харуки. Томору сказал, что она временная участница. Это почему?

Некоторое время Кента смотрел на него молча, будто оценивая, стоит ли тратить физические и душевные силы на рассказ событий не столь давних, но довольно продолжительных человеку, которого он знает только неделю. Если только ограничиться двумя словами...

– Да, считается, что она пришла на время, пока не вернется Мио...

Тода Мио обладал весьма редким характером, когда искреннее сострадание и человеколюбие могло в секунду смениться самым жутким сарказмом и едким недовольством всеми его окружающими людьми. Вот и в тот раз прекрасная музыка, создаваемая отточенными и ловкими нажатиями клавиш, заставляющая задуматься о том, не стоит ли даже позволить себе скупую мужскую слезу, сменилась ядовитыми замечаниями о том, что за тот концерт в прошлый четверг в забытом не только всеми богами, но и людьми клубе вышла слишком маленькая выручка. После чего последовал привычный спор о невыгодном внешнем виде группы и необходимости самим придумать единый сценический образ за неимением гримера и дизайнера... Тяжко приходилось с выходцем из более менее известной ранее, но расформированной ныне группы. В конце концов, всё завершилось тем, что без особых предупреждений Мио перестал приходить к ним, и связаться с ним было практически невозможно. Через неделю оказалось, что он прекрасно чувствовал себя, наиг-

рывающая мелодии на своих любимых клавишах в совершенно другом коллективе, подписав временный контракт. Последнее хоть немного, но успокаивало. Всё же он играл чертовски хорошо.

Но это обстоятельство не облегчало положение в настоящем. Клавишник все-таки был нужен, и тогда...

– Тогда Дзюн, после нескольких неудачных попыток поиска клавишника, потащил меня на концерт учеников музыкального колледжа, – продолжал рассказывать Кента, упустив из внимания то, что собирался уложиться в пару минут. – Не буду говорить всего (если честно, не хотел я туда идти), но потом мы услышали её.

Произведения классиков всегда прекрасны, и исполняли их в этот раз очень хорошо, недаром Осацкий музыкальный колледж выигрывал разные конкурсы национального уровня. Каждый инструмент звучал по-разному, но одинаково чудесно. До одного момента.

Девушка в белом платье, с заколотыми двумя розовыми заколками длинными чёрными волосами должна была играть почти в конце. Выйдя на сцену одна, она поклонилась, села за фортепиано, сохраняя идеальную статью, привычным движением откинула крышку, скрывающую клавиши... Начало было сыграно без единой проволоочки, без единой ошибки, и Кента уже успел немного задремать, но вдруг

всё изменилось коренным образом, ритмы стали чаще, музыка живее и более близкой к сердцу, очень быстрой и даже задорной. Если подумать, такого в этом фрагменте совсем не должно было быть, а девушка всё играла и играла свою никому не известную музыку. Когда она всё же закончила, и её пальцы неожиданно остановились над клавишами, стены едва выдержали взрыв аплодисментов, а она только молча принимала их, сохраняя такое выражение лица, будто сделала что-то, что уже давно должна была сделать.

– Ну и после этого она и ушла из оркестра, – продолжал Кента. – Точнее... выгнали её. Мы тогда её ждали после концерта и всё сами увидели. Тогда её к нам и пригласили.

– И она сразу согласилась?

– Ну да. Она хотела играть свою музыку, и мы ей это предложили.

– А если ваш Тода вернётся?

На этом моменте внезапный приступ разговорчивости Такахаши Кенты закончился, и вопрос Юты так и остался без ответа, как и кафе без третьего заказа. Была ли необходимость в первом или во втором или же вовсе нет – это осталось совсем не важным, но обладатели гордого звания последних посетителей кафе покинули его, отправившись во свояси... насколько это можно было считать таковым.

===== Неясный и странный =====

– Пошевеливайтесь давайте.

– Да не так ставь!

– Эй, больно же!

– Прости...

– А где Юта?

Последний вопрос заставил всех замереть на две секунды около открытого багажника большого автомобиля не первой, и даже не второй свежести, пригнанного старым другом Томору. В общей суматохе и не заметили, что среди них нет одной из равноправных составляющих их коллектива, без которого не обошлась бы ни первая, ни вторая песни.

– Ну он у меня... – Кента, приодевшийся ради такого дня более менее презентабельно, начал сжимать кулаки.

– А может, позвонить ему? – предложила Харука, в этот день сделавшая себе невообразимую прическу из черно-розового вихря.

Последнее предложение было одобрено большинством голосов и выполнено Дзюном, что, впрочем, не принесло особой пользы, так как абонент оказался недоступен после десятков длинных гудков. Вторая попытка также не увенчалась успехом, что не помешало стрелкам часов приблизиться к заветной отметке ещё на четверть.

– Что и требовалось доказать... – вроде как про себя, но нарочито громко, чтобы все слышали, произнес Кента.

– Поедем без него? – предложил Томору.

– Придётся... – вздохнула Харука.

Собрав последнее, что могло бы пригодиться, и удачно забыв то, что пригодиться обязательно, компания уже забралась в машину. Уже завелся мотор, в первое время работавший ладно, но потом пропускавший какие-то высокие неподобающие звуки. Уже хотели ехать, но вдруг звуки эти приобрели отчетливость.

– Подожди, – остановил Дзюн собравшегося нажать на педаль газа Томору. – Бежит наша пропажа, – добавил он, смотря в зеркало заднего вида.

И впрямь, к машине со скоростью, близкой к скорости олимпийского легкоатлета, приближался Юта, размахивая одной рукой, чтобы привлечь к себе хоть какое-то внимание. Можно было бы подумать, что если бы машина уехала без него, то он бы догнал её – так быстро бежал.

– Простите автобус попал в пробку пришлось выйти и бежать самому, – на одном дыхании выдал Юта, подбежав к машине и одним рывком открыв дверь.

– Опаздывать в такой день... – проворчал Кента. – Ладно, залезай.

Как только дверца старенькой тойоты захлопнулась, машина сорвалась с места, так быстро, будто за ней гнались все нечистые силы, которые есть или могут быть. Несмотря на свой впечатляющий пробег машина выдавала завидную скорость. И если бы не некоторые затруднения, то могла бы домчать своих пассажиров в мгновение ока. Но, принимая

во внимание размытость этого понятия и вполне возможное скопление других таких же машин, вышло немного дольше, чем хотелось бы. В окнах проносились машины на соседних полосах, мелькали деревья, здания и люди. Они ехали быстро. Быстрее билось только сердце Юты. У всех так или иначе был опыт в выступлениях и концертах, пускай и маленьких. Ему же такой удачи не выпадало. С той группой он так и не успел выйти на сцену. Справится ли? Если присмотреться к лицам остальных участников, можно было бы сказать, что не один Юта задавался таким вопросом.

А вот и оно, заветное здание, в котором находился клуб с говорящим названием «Shine!», Сияй. Не самая большая сцена, конечно, где-то в углу начала своё неумолимое движение трещина, где-то было написано пару слов, которых по замыслу быть не должно было, но...

– Ничего, пройдет немного времени, и мы будем выступать в Осацком Центральном Общественном Холле, – сказал вроде как про себя, но в то же время обращаясь ко всем, Дзюн.

Не так уж много людей собиралось посмотреть на этот фестиваль молодых исполнителей. Утешая себя тем, что сейчас все подтянутся, они занялись транспортировкой своих инструментов в здание. Легко пришлось только Томору – барабаны стояли в зале изначально.

Дул свежий осенний ветер. Холодно.

– Давай помогу, – сказал Кента Харуке, ухватившись за

ручку упаковки ее синтезатора. Доверяла она исключительно его клавишам.

– Нет, я сама, у тебя гитара...

– Лучшехвати из машины заявку.

– Хорошо... Дзюн, не поможешь мне найти эту бумажку?

Харука тут же образовалась около Дзюна, только завидев его. Он закинул себе на плечо ремень от футляра гитары и уже искал усилитель. Заверив её, что заявка у него во внутреннем кармане куртки, он громко захлопнул заднюю дверь. Только хмыкнув на это, Харука скрестила руки на груди и направилась к чёрному ходу, ведущему сразу в гримёрку. К такому резкому перепаду настроений им было не привыкать, и эта особенность её могла раздражать так же сильно, как и нравиться – это было только её.

Захлопнулась последняя дверца, последний раз был поправлен ремень от футляра для гитары, был в последний раз кинут оценивающий взгляд на всё громоздкое здание, которое совсем не вписалось бы в отдалении на несколько кварталов влево, где за пару минут можно было очутиться на пару веков назад. Они вошли в клуб.

Хоть Дзюн и не мог похвастать поразительным количеством выступлений, но всё же нельзя было бы сказать, что он волновался. Только если самую малость. У Юты же нет-нет, да и подрагивали руки, с чем он пытался справиться всеми силами. Ему вовсе не хотелось, чтобы история недельной давности повторилась снова, и...

– Волнуешься? – просил его Томору, положив руку ему на плечо.

Они сидели в общей гримёрке. Ждать своего черёда в концертном зале было бы слишком утомляюще – они выступали предпоследними. Юта покачал в ответ головой.

– Ничего, я тоже в свой первый раз волновался, – продолжил Томору, не веря столь самоотверженному мотанию головой, в чём был совершенно прав. А как тут не волноваться?

Юта посмотрел в сторону. В чёрных джинсах и чёрной рубашке, с легкой улыбкой на лице и прикрытыми глазами, Дзюн казался как нельзя более спокойным, будто в сауну собирается. Разве кто-то другой существует для него в этот момент? Да он и не замечает никого. Если с остальными участниками группы Юта уже был достаточно знаком и мог примерно сказать что представляет из себя каждый, то Дзюн оставался только неизвестным чистым листом, который в своём представлении можно выкрасить в любой цвет, но сколько ни строй предположений, сколько ни подбирай для него цвета – всё равно останется неясным. Неясный... именно этот цвет ему и подходил. Неясный и странный. Юта поёжился.

Наконец, настал и их черед. Постояв ещё немного за кулисами, ожидая, пока закончится выступление исполнителя, который выступал перед ними с уж больно грустной и не менее тягучей песней.

Сложнее всего было сделать первый шаг, чтобы вступить на сцену, место, полностью освещённое прожекторами, будто электрический свет, ослепляющий и настырно блестящий, был самым внимательным и придирчивым слушателем. Свет расступился, принял их в свои объятия, немного освободив место на маленькой сцене.

– «Over the black», – коротко и довольно тихо объявил название песни Кента.

Через пару мгновений Томору первым ударил барабанными палочками. За ним Дзюн прикоснулся медиатором к струнам гитары. Юта начал свою партию игры на гитаре. Харука прикоснулась тонкими пальцами к клавишам. Кента произнес первое слово...

Дальше песня полилась непреодолимым потоком, который невозможно было остановить, и который вливался в сознание всех слушающих без исключения. Это было прекрасно, и не существовало никого из участников в отдельности – они были одним целым, единым организмом, и Юта впервые почувствовал это. Поток музыки не отпускал его, подхватив на свои крылья и унеся далеко-далеко. Видимо остальные участники чувствовали то же самое. Закрыв глаза, можно было почувствовать их души, сплетённые воедино.

Юте никогда не нравились слова песни, он считал это простым набором звуков, но сейчас вдруг, услышав эти слова, исполняемые голосом Кенты, который вкладывал все свои чувства, все эмоции и мысли, на сцене, он понял весь их глу-

бинный смысл, каждую строчку подтекста.

«Скинь оковы серости и вдохни свободно», – пел Кента, а голос взывал к самому сердцу.

«В мире, где ты существуешь, все похожи один на другого». И Юта был абсолютно согласен, чувствуя запах настоящей жизни только сейчас.

Песня всё продолжалась, подбираясь к своему концу, как река – к водопаду. Осталось только соло Дзюна, то самое, что заставляло Юту раз за разом безмерно удивляться его скорости, его...

Последний аккорд, последний взмах барабанными палочками.

Казалось, будто они могли вздохнуть спокойно только сейчас, уходя со сцены, слыша, как толпа хлопает, как около десятка человек выкрикивают слова их песни. Это было что-то вроде первого триумфа, что-то вроде первого действия лёгкого наркотического вещества, которое продолжалось долго, ровно до того момента, как к ним в гримёрку не зашёл один из организаторов, сообщив результаты голосования судей.

Третье место.

– И только? – вырвалось у Кенты.

Парень-организатор ничего не ответил, уйдя осчастлививать обладателей первого и второго места. Томору подошёл к нему, успокаивающе похлопав по плечу.

Перед ними оказалась девчачья группа, состоящая из трех

девушек и «Zero», та самая где теперь играл...

– Чтоб этого Мио в пропасть засосало, – прошипел Кента, который до сих пор не мог успокоиться.

Харука опустила голову, ниже некуда, так жалко, что не нашлось ничего лучше, чем успокаивать её, говоря что-то лёгкое, приобняв за плечи, что и сделал Дзюн. Юта ничего не чувствовал, до конца не осознавая происходящее.

– Ну что, идем? – обратился ко всем Томору.

Никто не ответил, все просто молча стали собираться обратно. Аромат горечи и разочарования был практически ощущаем, нужно было только вдохнуть поглубже, чтобы почувствовать этот запах, который обычно не слышится. Третье место в конкурсе не такой уж и разгромный проигрыш, но вот только они пришли лишь побеждать, чтобы совершить маленький шагок для человечества, но один огромный шаг для пятерых человек к успеху.

Томору уже вышел за дверь, Дзюн уже готовился выйти, но вдруг неожиданно кто-то их окликнул.

– Постойте! Уже уходите?

Пять человек, как по команде, уставились на окликнувшего. Для этого Томору пришлось снова заходить в это неприглядное помещение.

Это оказался мужчина лет сорока, небритый дней пять и с чемоданчиком в руке.

– Да, а что? – поинтересовался Кента.

– Быстро вы... А знаете, почему вам не удалось занять

первое место?

Все тут же обратили на него всё своё слуховое внимание.

– Потому что у вас нет подходящего менеджера, – продолжал он. – Точнее, если не ошибаюсь, у вас его вообще нет. Так что давайте сначала обсудим все недочеты. Во-первых...

– А вы себя хотя бы назовите, – вступил в разговор Дзюн.

– Себя? А... Шибутани Кен к вашим услугам. Я буду вашим новым менеджером. Так вот...

– Стойте, стойте, а разве кто-то соглашался на вашу должность? – спросил Томору, до сих пор мирно и молча стоявший около выхода.

– А разве вы против? Менеджер вам необходим. Это как воздух. Его вроде не видно, а выжить без него никак. Ну так вот, первое, что нам нужно – это изюминка. Например...

– Давайте мы дадим вам ответ завтра, нужны вы нам или нет, хорошо? – наконец, прервал нескончаемую речь предполагаемого менеджера Кента. – Пойдём.

Остальные участники уже двинулись снова за своим лидером, без лишних слов, но с чуточку лишними эмоциями.

– И вам ещё думать надо? – окрикнул их Шибутани. – Да вам благодарить небеса надо за такой счастливый случай...

Кента на секунду остановился, но потом снова двинулся вперёд.

Вполне ожидаемо, но немного нежеланно, с холодным ветерком и первыми каплями холодного дождя медленно на-

ступал вечер.

Вся команда собралась на привычном месте. Кто-то на пять минут, кто-то на целый час. Довольно трудно было уговорить некоторых, но решение этого вопроса требовало присутствия всех без исключения.

А вопрос состоял именно в том, чтобы определиться в необходимости услуг человека, с которым они встречались совсем недавно. Вначале, по выходе из клуба, они все дружно смеялись над этим странным человеком, но с каждым километром, преодолённым на автобусе, уверялись в необходимости более серьёзного решения вопроса.

Возможную необходимость присутствия этого странного человека у них в команде неожиданно озвучил Томору, когда они уже подъезжали к его дому. Некоторые уже успели и забыть о нём, пока тот неожиданно не сказал «а почему бы и нет?». И вот теперь уже вторую половину часа они не могли прийти к единогласному решению. Могли бы, если бы не одно недовольное, но значимое лицо в группе, а именно Кикучи Дзюн. Харука спустя пять минут ментального метания из стороны в сторону склонилась в сторону Томору, за ней последовал и Кента, Юта просто согласился с большинством, но только не Дзюн. Упорно настаивая на своем, он вообще отказывался слушать доводы других, но, в очередной раз поглядев на свои часы, махнул на всё рукой со словами «Делайте, как хотите», что давало полную свободу действий.

После этого Дзюн ушёл по своим делам. Мало кто знал,

куда он уходит, разве что только Кента, но он сильно не распространялся об этом. Но если подумать, и скрывать тут было нечего, ведь он всего лишь уходил на работу, в небольшой магазин электротоваров в соседнем районе, где работал продавцом-консультантом. Должность непыльная, но малооплачиваемая, что не мешало ему существовать на эти несколько десятков тысяч иен в месяц. Неплохо было бы и познакомиться с такой загадочной личностью поближе.

Он жил в маленькой комнатусечке на самом верху одного из высотных зданий, где обычно и живут такие, не нашедшие себе постоянного пристанища. Хотя и в эту комнатусечку он заходил редко, больше времени проводя с группой, или на работе, или (совсем иногда) на учебе в захолустном колледже на окраине города, когда делать было совершенно нечего или когда надо было за него платить.

Очень часто у него ночевал его друг, Кента. С ним он познакомился ещё в средней школе. Тогда они и взрастили идею создать группу, но долгое время были её единственными участниками, так что и аудитория ограничивалась только учениками школы.

Но всё изменилось, когда они встретили Мио. Уж он-то умел всё организовать и сделать. Играя на синтезаторе, он стал считаться неформальным лидером группы, хотя Кента и продолжал довольствоваться частичкой этой власти. Это было в средней школе, когда все бесшабашные действия и

поступки хочется совершать и тебе мало что за них грозит. Потом к ним присоединился Томору. Точнее они его переманили из другой группы. Вот только в одном была проблема – ни один басист, сердце группы, не мог удержаться в группе более двух недель. Но это уже отдельная история.

А потом Мио ушел, практически бросив их на произвол судьбы. Его поступок в полной мере расценивали как предательство, с чем можно было согласиться на сто процентов. А ему всё было безразлично. Мио просто так захотел.

– Простите, но вы дали мне не тот светофильтр. Я ведь другой просила...

Очередной рабочий день. Очередной покупатель. Очередное фотоаппаратное дело. Ему хотелось славы, хотелось миллионов поклонников, а вместо этого он продавал фотоаппараты и всё к этому прилагающееся.

– Да, конечно, – ответил Дзюн, протерев слипающиеся глаза. Он очень хотел спать, ведь вчерашнюю и позавчерашнюю ночь он сочинял песню, которая просто обязана была порвать все чарты. – Вот ваш светофильтр...

Он впервые посмотрел на покупательницу. Старшая школьница, а может, студентка, стройная и до неприличия симпатичная, с чёрными волосами, едва достающими до плеч.

– ...мадмуазель, – добавил он, когда сердце пропустило три положенных удара, как с ним случилось, признаться, весьма нередко. В последний раз – полтора месяца назад, ко-

гда последний роман закончился крайне плачевно. Это была ещё одна его слабость.

– Спасибо.

– Для вас – всё, что угодно.

Она только улыбнулась, даже не заметив, как Дзюн вынул сам товар из упаковки. Потом она ушла, оставив его в полной уверенности, что она ещё вернется. Светофильтр-то всё-таки нужен.

Рабочий день продолжался мыслями об этой покупательнице, плавно перетекающими в музыку. В его голове вдруг зазвучали невидимые струны, музыка их недавней встречи, как раз то, что и нужно было, но так недоставало. Теперь всё встало на свои места.

Вернувшись домой, первым делом он взялся за гитару, сыграв то, что только что пришло ему в голову. Потом, исправив несколько нот, записал это в свою тетрадь.

– Что записываешь? – спросил его Кента, вернувшись незадолго до него.

– Песню, – коротко ответил Дзюн.

– Это я понял. Какую?

– Самую лучшую.

На следующий день было уговорено встретиться с Шибутани Кеном. По этому поводу Дзюн сказал, что пора бы ему наконец-то появиться в колледже. Дзюн всегда был уперт и признавал только свою правду, не принимая во внимание все другие мнения. На сей раз он не признавал этого так назы-

ваемого менеджера, поэтому ещё дня два будет его избегать.

Но, как ни странно, он появился в подвале дома Томору уже через день, на что его могло сподвигнуть только одно – его искала его семья, отец или младший брат, разительно отличавшийся от старшего. Он был серьезен и целеустремлён, так что часто именно Дзюна принимали за младшего. Искали, чтобы он подписал нужные бумаги, доказывающие его отказ от наследства компании.

Действительно, его семья была владельцем крупной компании по производству мелкой бытовой техники, и Дзюн должен был стать следующим главой компании, но... музыка заставила забыть обо всём и вся. Когда родители подарили ему первую гитару (ему тогда было восемь лет), они и не предполагали, что так круто изменят судьбу своего сына. И вот результат.

Да, его семья была богата, но денег у них он никогда не брал, вследствие чего и жил в маленькой комнатухе на самом верху высотки. Ушёл из дома он ещё в средней школе, почти в одно время, как познакомился с Кентой. И вот теперь от него хотят лишь, чтобы он подписал отказ от наследства компании и вообще всего имущества его семьи. Он бы и рад, но... На то, чтобы лишиться всего и сразу, нужно было время. И ещё больше времени нужно для того, чтобы вновь встретиться со своей семьёй, с которой не виделся уже полгода.

И вот, как следствие этого всего, Дзюн, раньше, чем сам

ожидал, увиделся снова с Шибутани. Увиделся потому, что только в дом Аоки Томору не заходили члены его семьи, разыскивая его.

– Я вам говорю, – услышал Дзюн, спускаясь в подвал и как всегда опаздывая, – что вам нужна изюминка. Вот например, дедушка – итальянский мафиози или порочные связи... Вот, точно! Именно это!

– И как вы собираетесь это воплотить в жизнь? – ненавязчиво поинтересовался Кента, на долю секунды посмотрев в сторону Харуки.

– Очень просто! Так, девушка здесь не причем, – словно заметив взгляд Кенты, сказал Шибутани.

– Хай, – поздоровался со всеми Дзюн, показавшись из-за двери.

Он прошёл вглубь комнаты и сел на своё привычное место на стареньком диване. На секунду показалось, что Шибутани даже сторониться его.

– Так вот, – продолжил он. – нужно что-то такое... Вот, например, ты.

Пальцем он указал на Юту, не на шутку испугавшегося от такого поворота событий.

– Ты будешь состоять в порочной связи с... ним.

Палец Шибутани теперь указывал на Кенту.

– Постойте-ка... я на такое не подписывался! – возмутился Кента. – Вы что, хотите из нас пару сделать?

– Да это же понарошку, понарошку... На время раскрут-

ки. А потом всё самой собой уляжется.

Дзюн только усмехнулся, удостоверившись в своих догадках насчет профессионализма этого менеджера. Остальные недовольно переговаривались или перешёптывались.

– Кстати насчёт тебя, – не унимался Шибутани, теперь указывая на Харуку. – Тебе бы подстричься покороче и одеваться помальчишкойей...

– Нет, это уже переходит все границы, – рассердился Кента. – Сейчас вы вылетите отсюда так же легко, как и зашли.

– Ладно, пусть останется так.

– Шибутани-сан, а почему я должен состоять в... – Юта даже не договорил такого слова, смутившись вконец.

– Это всё для пиара.

– Хорошенький у вас пиарчик, – не унимался Кента.

Юта только молчал. Харука, уж и не зная, как реагировать на всё это, тихонько посмеивалась, незаметно прикрыв рот рукой. Томору сидел за барабанной установкой, безучастно наблюдая за всем этим безобразием. А Дзюн... Как всегда его выражение лица можно было расценивать как угодно – всё равно не угадаешь, что он себе думает.

– Кстати, насчёт тебя, – наконец-то отважился обратиться Шибутани к Дзюну. – Как насчет того, что ты у нас подкидываешь? Никогда не видел своих родителей и так далее...

– Идёт, – неожиданно легко согласился Дзюн, вызвав немалое удивление у всех участников команды. – Делайте, что хотите. Потом посмотрим.

Вторая часть его короткой речи была уже в духе Дзюна, и Харука даже еле слышно облегченно вздохнула.

На том и порешили. Дальнейшее собрание ко всеобщему облегчению перешло попросту в прослушивание имеющихся и предполагающихся треков.

Вечером, когда все уже начали расходиться, не так поздно, как иногда бывало, ведь следующий концерт должен был быть только через месяц на фестивале малоизвестных групп, Дзюн снова ушел на свою работу, в сущности, никому ничего не сказав. Он уже предвкушал, как придет та студенточка, спрашивать свой светофильтр, который по странной случайности оказался вне коробки где-то в магазине, точнее в кармане у Дзюна.

Но она всё не шла. Что же то? Ей товар не нужен? Дзюн уже заскучал, усевшись за прилавок и снова начав писать ноты. И уже тени слов приходили ему в голову, когда она снова возникла перед ним.

– Ано... – начала она. – Простите, но, кажется, упаковка бракованная... Там не оказалось того, что я покупала.

– Да? – Дзюн тут же встал, превратившись в идеального сотрудника магазина электротехники. – Странно... Есть ли у вас с собой чек?

– Нет... я его выбросила. Что же делать?

– Дайте-ка подумать... – Дзюн принял раздумывающее выражение лица. – Мы можем сделать так. Вы сходите со

мной в кафе, и там я отдам вам другую упаковку с товаром.

На лице студентки отразилось некоторое понимание. Она немного улыбнулась.

– Вы приглашаете меня на свидание?

– Я совмещаю приятное и полезное, – ответил Дзюн всё с тем же серьезным выражением лица.

– Ладно, я согласна. Когда?

– Завтра, в семь. Я закончу работать, и мы можем справиться с вашей проблемой.

– Хорошо. До завтра.

Она уже направилась к выходу, когда Дзюн, опомнившись, кликнул ее, а потом подбежал к ней.

– Как ваше имя?

Девушка окинула его оценивающим взглядом, через несколько секунд ответив:

– Мидори.

А потом она ушла, оставив Дзюна в приятных раздумьях о завтрашнем дне. Ему всегда нравилось начало таких вот историй, которых, к чему лукавить, он пережил уже немало. Но именно эта казалась ему какой-то особенной, не похожей на другие. Особенной казалась ему она, та самая студентка с таким интересным именем. Зелёный... Вечно зеленая, вечно молодая. Вдруг тени мелодии снова замелькали перед ним, и он уселся на первый попавшийся стул, чтобы записать эту мелодию, которую навеяла ему эта девушка. Его глаза смотрели туда, куда недоступно другим, а на лице бы-

ла та самая улыбка, неуловимая и неясная, присущая только ему одному. Весь остальной вечер, скучный и ничем не выделяющийся из сотни таких же, наполненный малым количеством посетителей магазина, он провёл за своим блокнотом, куда записывал ноты, которые должны были сложиться в самую лучшую песню.

– Так, собирайтесь быстрее, я договорился с руководством одного торгового центра, чтобы вы выступали сегодня, – со скоростью ветра произнес Шибутани.

Это был следующий день, воскресенье, когда все только-только собрались в доме Аоки. Кто-то, зевая, кто-то, протирая глаза, встретили эту новость сначала безразлично. А Шибутани нависал над всеми, ожидая скорейшей реакции.

– Как в торговом центре? – наконец отреагировал Кента. – Развлекать посетителей? Да они даже слушать не будут.

– Всё когда-то начинается с малого. Поехали!

– Но это же абсурд! – вставил своё слово Томору.

– Это и есть настоящее начало, поверьте мне, менеджеру со стажем. – Для наглядности он приложил руку к тому месту, где предполагалось сердце. – Кстати, где этот ваш... Кикучи?

Четыре человека переглянулись разом, пожимая плечами. Ещё через некоторое время Кента соизволил позвонить Дзюну. Удостоверившись в своих догадках, что он на работе, Кента о чём-то тихо попросил Дзюна. Это подействовало, и

уже через полчаса он оказался вместе со всеми, недовольно поглядывая на Шибутани.

– Так, теперь все собрались. Тогда поехали! Кстати, – он посмотрел на Кенту и Юту, – не забывайте о том, что я вам сказал.

Оба переглянулись, вспоминая крайне неприятные слова менеджера.

– Но как нам это сделать? – не выдержал Юта.

– Как это? Вы никогда не видели концертов мэтров J-рока?

– Видели... – с опущенными плечами согласился Юта.

– Вот примерно так. А теперь поехали.

И всем ничего не оставалось делать, кроме как последовать приказу этого афериста и сесть в машину, которая сегодня была свободна. Дзюн мало чем выказывал своё недовольство, но внутри так всё и кипело от того, что у него пропадает такое свидание. Но как никак группа ему была дороже, и он, не задумываясь, выбрал её. На некоторое время.

Приехали они на удивление быстро, и вот уже нужно было доставать инструменты для неблагодарной работы развлекателей простой публики. Небольшая захолустная сцена в небольшом захолустном торговом центре уже была для них готова, а может, она оставалась такой со времен постройки этого здания. С кислыми минами они забрались на невысокую сцену и ещё некоторое время настраивали инструменты. Наконец, когда приготовления были закончены, они начали

играть свою первую песню под строгим оком Шибутани. Посетители сначала с интересом оглядывались на группу, кто-то даже спрашивал название, но вскоре интерес пропал, и около сцены оставалось всего несколько человек, которым попросту нечего было делать. После третьей песни продюсер сделал знак сначала Юте, который при этом перепутал ноты от смущения, а потом Кенте, который нахмурился больше обычного. Но через минуту Кента все-таки превозмог себя и подошёл к Юте, потом помедлил ещё немного, но всё-таки приобнял Юту одной рукой. По выражению Шибутани можно было сказать, что он ожидал совсем другого, но на первых порах и этим остался доволен. Такое движение привлекло женскую часть посетителей, которые тут же остановились, ожидая продолжения. Кента привык работать на публику, так что это ему сравнительно понравилось, и через некоторое время он опять обнял Юту уже более откровенно. Дзюн только посмеялся про себя, а Томору скрылся за барабанами, спрятав свои эмоции куда подальше. Но вскоре он закончил экспериментировать, оставив самое интересное напоследок. К концу этих действий Юта был красный, как свежесваренный рак, с трудом перебирающий струны.

Было около половины седьмого, а они еще играли свои песни и разные каверы, что когда-либо им приходилось наигрывать. Было полседьмого, когда Дзюн заметил знакомую фигурку, неподвижно стоящую около сцены. Стояла и зачарованно смотрела на него, та самая, которой он назначил

встречу через полчаса. Он сделал вид будто и не заметил её, в то же время подумав, что сама судьба сводит их. По крайней мере на этот вечер.

Наконец, выступление незаметно подобралось к концу. Дзюн быстро прыгнул со сцены, удерживая на одном плече свою гитару, и подошёл напрямик к ней, улыбаясь как всегда самому себе и своим мыслям.

– Так значит, вы ещё и музыкант? – улыбаясь, спросила Мидори.

– Можно и так сказать...

– Может, ещё чем-нибудь занимаетесь?

– Если только помогаю красивым девушкам, когда они попадают в беду. Я ведь обещал вернуть потерянный товар.

– Да, обещали.

– Пойдём в кафе? Тут есть одно, – сказал Дзюн, невзначай положив руку ей на плечо.

– Если только на пять минут, – ответила Мидори, так же ненавязчиво увернувшись от этой руки.

Конечно же, Дзюн не собирался отпускать её спустя эти самые пять минут. Притом, что и товара-то у него с собой вовсе не было. Но упускать такой шанс, когда сама судьба наталкивала его на эту девушку, он тоже не собирался, поэтому первые минуты были потрачены на отвлечённые темы разговора, то есть на комплименты, которые заставили девушку быть к нему более благосклонной. Не те комплименты, которыми разбрасываются ловеласы налево и направо.

во, а такие, что только можно догадываться об их истинном смысле, который никогда не оставался однозначным. Стоило только приоткрыть завесу, и смысл тут же менял свою форму. Она сидела перед ним, такая красивая и простая, такая, что не хотелось отпустить от себя. Поэтому он решил поиграть с ней немного дольше.

– Так где... – начала было девушка.

– Подожди, подожди... – усмехнувшись, прервал Дзюн её. – Сначала чашку чая было бы неплохо.

Девушка с подозрением посмотрела на него. Она взглянула на изящные наручные часы, отвела на несколько секунд взгляд в сторону, только после этого ответив:

– Если только ненадолго.

– Да, конечно... Кстати, чем ты занимаешься? – спросил он её, пропустив девушку в дверь в одно из многочисленных кафе, находящихся в торговом центре. Как-то совсем незаметно он перешёл на неформальный стиль общения, а она оставалась подчёркнуто вежливой, хотя, Дзюн видел это, понемногу, совсем чуть-чуть девушка начала заинтересовываться им, будто её всё больше и больше затягивало в трясину, будто она всё больше тонула в его глазах, и никто не в силах был помочь.

– Я студентка Осацкого Университета Искусств, – сказала Мидори. – Он в Кanan, – добавила она на всякий случай.

– О... – многозначительно протянул Дзюн, хотя вряд ли знал об этом учебном заведении. – Нравится?

Сказав это, он снова сделал попытку приобнять девушку. На этот раз она не сопротивлялась. Они сидели на диванчике в конце кафе, так что сделать это было достаточно легко.

– Да, нравится...

Мидори повернула голову, чтобы посмотреть в глаза, подобные омуту. А он приблизился к её лицу. Ещё немного, и они бы поцеловались, но Мидори опомнилась в последний момент, резко отвернувшись.

– Так где мой светофильтр? – Через некоторое время спросила она.

Дзюн ответил первое, что пришло в голову, то есть то, о чём он думал в данный момент.

– Знаешь, я только сейчас вспомнил, что я его оставил дома. Не хочешь пройтись со мной? Это недалеко.

Мидори только посмеялась над таким предложением. Дзюн был приятен и обходителен, но для посещения его дома время ещё не пришло и вряд ли придёт. Она старалась не смотреть в его глаза. А он сам... чувствовал, что что-то в ней было такое, что отличало её от остальных, что-то притягивающее, но такое, что было выше низменных желаний и потребностей.

– Давайте встретимся завтра, – всё ещё смеясь, ответила девушка. – И тогда вы обязательно не забудете мой светофильтр.

Дзюн внимательно посмотрел на неё, заставив её опустить глаза.

– Идёт, – неожиданно для самого себя согласился он. – Только давай встретимся в более романтичном месте? Не в этом дешёвом торговом центре?

– Так почему ты выступал именно в этом дешёвом торговом центре?

– Это... – Дзюн задумался на секунду. – Потому, что наш менеджер – довольно странный человек.

– А... – только и протянула она. На такое заявление ей было нечего сказать, тем более, что она совсем не разбиралась в музыкальной индустрии. – Ну что ж, тогда до завтра!

Она встала с мягкого сидения и уже сделала шаг в сторону.

– До завтра, – эхом повторил Дзюн.

Он не предпринимал никаких попыток остановить её. Добиться того, что парень хотел в первые минуты их встречи у него не было никакого желания. Вопреки своему имени Мидори казалась ему хрупким цветком сакуры, который может разбиться на тысячи осколков от лёгкого дуновения ветерка. Поэтому с ней ему хотелось обращаться бережно, как ни с кем другим. «Любовь? – подумал Дзюн. – Ха!». Он никогда никого не любил. Если всё сильнее и сильнее привязываешься к человеку, тем больше от этого становится. Ему просто хотелось беречь её.

Он посмотрел в её сторону. Мидори уже взялась за ручку двери кафе. Вдруг она обернулась и помахала рукой, тонкой, изящной, на прощание. Дзюн помахал ей в ответ. Нет, только

не привязываться.

Поздно ночью, раздался громкий стук в дверь. Дзюн уже с удовольствием досматривал второй сон, и даже во сне он наслаждался тем, что он находился в своей квартире один, без каких-либо гостей в лице Кенты, который в эту ночь ушёл к своему однокласснику, чтобы вместе готовиться к тестам, что несколько удивило самого Дзюна, ведь редко когда можно было наблюдать у Кенты тягу к учёбе. Этот стук был подобен грому, когда находишься в самом эпицентре грозового фронта. Дзюн перевернулся на другой бок, а потом обратно. Стук всё не прекращался. Наконец он всё-таки поднял голову с подушки и протёр глаза. Ничего, если кому-то приспичило прийти в такой поздний час, то он может и подождать еще несколько минут. Он встал с постели и еще с минуту потягивался, а потом надел джинсы, которые лежали на стуле, аккуратно сложенные (у него была очень хорошая привычка – он не переносил беспорядка во всём). Наплевав на то, что надо бы еще надеть и футболку ради приличия, он резким рывком открыл дверь.

– Отец... – произнес он, просто констатируя факт прихода человека, который по документам считался его отцом.

Оставив дверь открытой, он прошёл вглубь квартиры. Последовать за ним или нет – это он уже оставил на выбор. Кикучи Шигео, его отец, перешагнул порог, но дальше шагу не ступил. В квартирке своего сына он был только во второй

раз. Гораздо чаще этой привилегией обладал главный юрист компании. Сказать по правде, с Минами-сан было и разговаривать проще. За дверью оставалась та сырость, которая так характерна для первых декабрьских ночей.

– Подпиши, наконец, эти бумаги, и больше мы тебя не потревожим, – неожиданно мягко попросил отец.

Дзюн окинул его взглядом, полным безразличия, и уселся на диван, который по его подсчетам был старше самого Дзюна на энное количество лет.

– А ты не слышал, что поздно ночью вламываться в дом неприлично? – спросил парень будничным тоном.

– Ты до сих пор остаёшься моим сыном, так что я вправе приходить к тебе хоть днём, хоть ночью.

– Осталось всего три месяца, – как бы мимоходом заметил Дзюн, рассматривая свои ногти, словно самую интересную картину в мире. Этот, двадцатый, день рождения он ждал, как никогда.

– Так ты подпишешь бумаги?

– Дай-ка подумать... – Дзюн постучал пальцем по подбородку. Отец ждал, потихоньку начиная терять терпение. – Присылай завтра своего Минами-куна.

Услышав эти слова, Кикучи Шигео только кивнул, а потом резко развернулся и вышел за дверь, как бы по забывчивости забыв прикрыть её. Дзюн ещё некоторое время сидел на диване, сидел до той поры, пока кожа не начала покрываться мурашками от врывающегося без всякого разрешения

ветра в открытую дверь. Потом, достаточно выругавшись, он поднялся с дивана, чтобы закрыть эту глупую дверь, которой было абсолютно невдомек, что закрытой она смотрится лучше. Теперь точно не будет никакого сна.

Он взял потрепанную тетрадь со стола и уселся прямо на пол, скрестив ноги. Гитара валялась рядом. Вдруг, только вспомнив своё вчерашнее свидание со студенточкой, ему на ум пришло продолжение той мелодии, которое обязательно нужно было записать без промедления. Что-то в ней было... А вот что, он надеялся понять уже в ближайшее время.

Луна появилась в окне и незамеченно скрылась с другой его стороны.

===== Она =====

Солнце нещадно светило прямо в глаза, заставляя покинуть страну грёз вне зависимости от того, хочет или не хочет какой-нибудь человек это сделать. Дзюн любил обходиться без штор на окне, за что жестоко поплатился в это солнечное, но такое холодное утро. К тому же новый посетитель извещал о своем приходе, стуча в дверь громко и настойчиво. Как не хотелось открывать на этот раз...

Дзюн встал с пола, где так и уснул на исходе ночи. Наступив на тетрадь, где была написана готовая песня, он поплелся открывать дверь. По пути он вспомнил ночной разговор с отцом и остановился перед самой дверью, раздумывая

над важной темой, нужно ли открывать вообще? Ещё через несколько секунд он медленно нажал на ручку двери.

Его глазам представился совсем не тот человек, которого он ожидал увидеть. Помятый и с недельным уровнем небри-тости, будто он вчера вечером перебрал sake, перед ним был Шибутани.

– Быстрее собирайся, – тут же сказал он. – Я договорился с одной хорошей звукозаписывающей компанией. Остальные уже ждут внизу.

Вся эта речь была произнесена на предельных скоростях, так, что смысл слов достиг Дзюна лишь наполовину. Он до сих пор стоял в дверях, протирая глаза. Шибутани бы и хотел тоже спуститься вниз, оставить Дзюна собираться одного, потому что до сих пор немного опасался его. Почему, не мог бы сказать даже сам Шибутани Кен. Наверное, всего лишь потому, что он его просто не понимал. Не понимал совершенно. Но одно он понимал в данный момент точно. Дзюна нельзя оставить сейчас, потому что его сборы могут занять очень много времени. Поэтому он продолжал стоять, ожидая, чтобы неясная и непонятная для него личность поторопилась. В свою очередь личность эта надолго скрылась в ванной и, по прошествии пятнадцати минут, наконец, показала снова, накинула на себя чёрную футболку и куртку.

– Ладно, – сказал Дзюн, обуваясь. – Пойдём в твою хорошую студию.

Спустившись вниз, Дзюн поочередно чувствовал на себе

недовольные взгляды тех, кого заставил ждать его на холоде так долго, но непроницаемая оболочка Дзюна позволяла эти взгляды не замечать нисколько. Можно было бы сказать, что с таким отношением к окружающему миру от него могли бы отвернуться все друзья, но вот что странно: это притягивало, и хотелось, чтобы он обратил внимание именно на вас. Особенно этому влиянию были подвержены девушки, что не было особой новостью.

Они отправились в обещанную быть хорошей студию на стареньком принадлежащем самому Шибутани автомобиле, марку которого уже было трудно определить. За руль сел, соответственно он сам, о чём все пассажиры без исключения пожалели. Он ехал, редко обращая внимание на светофоры и машины по обеим сторонам старенького автомобиля. Он ехал, забыв, что везёт ещё пять человек, с трудом уместившихся в салоне. Так что все пятеро напоминали себе сосиски не первой свежести, которые кто-то трясет в надежде найти эту самую последнюю свежесть.

Обычно в это время года на улицах можно было найти мало чего привлекательного: на деревьях вяло колыхались листочки, но не было в них той жизни, что приходит только весной, река Ёдогава привычно несла свои воды к морю, но и она соскучилась по ласковым солнечным лучам на своей поверхности. Впрочем, пятерым страдающим от непомерной тряски людям было некогда замечать эту довольно неприглядную картину города, переживающего свою зимнюю пору

жизни. Юта сосредоточилась на том, чтобы сохранить перед старшими достойный вид и не позволить недавно съеденному завтраку снова оказаться снаружи. Харука поминутно старалась сохранить свою причёску в её первоначальном виде. Кента с каждым преодолённым метром всё больше закипал от злости, а Томору пытался его хоть как-то успокоить. Невозмутимым оставался только Дзюн, который задумчиво смотрел в окно, хотя вряд ли видел там городской пейзаж. Перед его глазами была она, эта симпатичная студенточка, которая так странно и непривычно быстро сумела занять его сознание. Да что там! Она во всём была непривычная и совершенно необычная, чем она и привлекла его. Она вдруг внесла в его жизнь красочные цвета, цвета жизни, которыми не могли похвастать блеклые листья на деревьях, те самые зелёные цвета, которые так подходили ей. Дзюн усмехнулся. Заметив это, Харука внимательно посмотрела на него, но не обнаружила ни одной нотки того, что это неожиданное проявление эмоций имело отношение к ней.

Наконец вся компания приехала к дому, выкрашенному в оливковый цвет и совсем не напоминающему какое-либо учреждение.словно из центрифуги, все медленно выходили из машины. Один Шибутани оставался в прекрасном расположении духа. Его волосы приобрели еще большую степень беспорядка, но это было не главное, ведь его новые подопечные приехали в звукозаписывающую студию, которую нашёл не кто-то, а именно он, такой хороший и смыслённый мене-

джер, каким он себя считал. Невозмутимым оставался Дзюн, для которого это было обычное состояние. Кента, которому пришлось ещё постоять на твёрдой земле полторы минуты, чтобы отойти от экстремальной поездки, считал, что на лице Дзюна останется такое же невозмутимое выражение лица, даже если у него перед носом упадет атомная бомба.

– Ну что, все готовы? – весело спросил Шибутани Кен, обращаясь к группе.

Группа переглянулась, кто-то пожал плечами, просто не представляя, что ответить новоиспечённому менеджеру: показать ему направление на самую северную точку Хоккайдо или сказать «Да...». А Шибутани уже направился к двери. Замешкавшись ненадолго в поисках звонка и так его и не найдя, он громко постучал в дверь. Ему долго не открывали, но потом наконец из-за двери раздался голос:

– Что надо?

– Э... Я звонил вам вчера по поводу... – немножко растерявшись, начал Шибутани.

– А, помню, – дверь при этом открылась, и из-за нее показался очень средних размеров мужчина с одним прищуренным глазом, который еще не пришел в нормальное состояние после того, как мужчина смотрел в глазок. – Ну заходите, заходите... Вот ваши юные дарования?

Мужчина посмотрел на группу. Группа уже занималась своими делами: кто-то пинал мелкие камешки, а кто-то прикидывал, сколько ещё простоит это ветхое здание.

– Эй, подойдите сюда! – позвал их Шибутани.

Нехотя они все подошли к нему. Кто-то, проворчав вполголоса, кто-то молча. Мужчина, уже не стесняясь, принялся всех разглядывать, а потом пропустил их в дом, посторонившись. Нехотя и посекундно озираясь вокруг, они переступили порог.

Помещение, больше всего походящее на гостиную далеко не богатого дома, было забито различными бумажками, листовками, иллюстрациями, брошюрами... Кажется, это было специальной дизайнерской находкой для создания большей беспорядочности. Мужчина провел их в следующую комнату, которая по всем правилам должна была быть студией. Но ничего подобного они не увидели. В глаза бросились только как попало расставленные инструменты, судя по их внешнему виду очень старые, и было бы удачей, если бы они издали один дельный звук. Дзюн подошёл к стоящей в углу гитаре и взял её в руки. Она была поцарапана в нескольких местах. Он тронул пальцем одну струну. Она издала тихий неровный звук.

– Это на этих инструментах? – уточнил он без особого удивления.

– Да-да, – начал мужчина, – очень хорошие инструменты, с ними записался не один хит...

Дзюн только кивнул, удостоверившись в своих догадках относительно студии и Шибутани в частности.

– Ну что ж, приступим? – хлопнул в ладоши владелец сту-

дии.

Все поплелись к своим предполагаемым инструментам с явным нежеланием. Харука осторожно притронулась к клавишам. Томору провел пальцами по палочкам, потом пожал плечами и уселся за ударную установку.

Они решили начать записываться с той песни, которую представили на последнем конкурсе. Первые аккорды, первый взмах палочками, первые слова... И перебои с электричеством.

– Простите-простите, – затараторил владелец студии, судя по диплому за участие в конкурсе быстрейшего поедания суперпорции рамена, гордо висящему тут же на стене, Ясуда Такуми. – Сейчас все исправлю.

С этими словами он выбежал из комнаты. Вернулся он только через пятнадцать минут, когда половина группы уже успела задремать за своими инструментами вследствие ранней побудки. Свет зажёгся снова.

Они начали опять, уже слегка раздражённые этой сумятицей. И снова заиграла оглушающая музыка, но... На гитаре Дзюна порвалась струна, из-за чего было просто невозможно продолжать.

– Другая гитара есть? – угрюмо спросил Дзюн.

Ясуда вытащил из подсобного помещения другую, еще более старую, предположительно заставшую ещё времена императора Ёсихито, гитару. Уже с нескрываемым презрением Дзюн взял её. Ещё некоторое время её пришлось настраи-

вать. А Шибутани всё продолжал наблюдать за всеми с самодовольной улыбкой.

Музыка полилась снова. Теперь всё хорошо, уже второй куплет... Но теперь лёгкий электрический разряд на синтезаторе заставил Харуку вскрикнуть, а сам синтезатор – пережить свою последнюю минуту.

– Ты в порядке? – Спустя секунду к ней подлетел Кента.

– Да... – вяло сказала Харука, потирала руку.

– Нет, вы издеваетесь? – обратился Кента уже к Шибутани, с лица которого уже начала исчезать эта самодовольная улыбка. Тот уже отступил на пару шагов поближе к выходу. Где-то глубоко в подсознании промелькнула мысль о том, что возможно он попадёт в Книгу Рекордов Гинесса по причине боязни группы, в которой он же работает менеджером. Промелькнула и исчезла.

– Это временные неполадки, – тихим и немного дрожащим голосом сказал Шибутани. – Теперь всё будет нормально...

Кента угрожающе посмотрел на дрожащего субъекта, без слов, выражая всё своё презрение.

Где-то в кладовке на втором этаже нашёлся ещё один синтезатор. Первое касание клавиши, первые аккорды и... звукозаписывающее устройство издало последний и жалобный продолжительный писк, закончившийся на невообразимых высотах. Не стовариваясь и совершенно молча, группа, один за другим, медленно положили гитары, барабанные палочки,

микрофон и направились к выходу. Последним из комнаты вышел Юта, наблюдая за Дзюном и решив последовать примеру большинства.

– Эй, вы куда? – прокричал им вслед непонимающий ничего Шибутани.

Только услышав это, Кента остановился и сказал, не поворачиваясь:

– Вы ещё смеете разговаривать с нами? Вы, ни на что не способный менеджер, ни на что не способный человек? Не связывайтесь больше с нами, ни с кем из нас. Обойдёмся без ваших услуг...

Сказав это, Кента двинулся дальше за своей группой. Ни взглядом, ни словом они больше не наградили ни Шибутани, ни Ясуду. Горе-менеджер принялся было догонять их, но через несколько секунд понял, что это самое лишнее, что он может сделать сейчас, поэтому просто подождал, пока они не скроются за поворотом одного из многочисленных домов.

Потом он уселся в свою машину, завел мотор, но еще несколько минут не сдвигался с места, обдумывая дальнейшие планы.

– Нет, мне просто интересно, этот человек нормальный или сбежал из Косака*? – спросил, обращаясь к воздуху или пробегающей мимо кошке, Кента.

Уже было время, когда на улицах давно светят фонари, а из поминутно раскрывающихся дверей клубов слышит-

ся громкая музыка. После неблагоприятного приключения группа ещё долго бродила в неизвестном районе, выйдя к автобусной остановке только через полтора часа. Не было сил ни на что другое, даже на то, чтобы смотреть в окно, так что они просто уселись на свободные места. Сегодня было решено разойтись по своим домам или просто туда, где можно было скорее забыть этого странного человека и все его выходки. Томору уехал домой, чтобы потом оттуда поехать на работу. О ней он особенно не распространялся, просто всем было известно, что он какой-то менеджер по чему-то там в какой-то компании. Юта сказал, что ему нужно готовиться к очень важному тесту по истории. Дзюн же должен был заскочить на полчаса домой к себе, чтобы забрать одну важную вещь. Кента как всегда пошел с ним. За ними увязалась и Харука. Просто потому, что было некуда идти. Так они и подходили невеселой компанией к высокому дому на одной из улиц района Конохана. Невесёлый зимний пейзаж лишь добавлял унылости этому брэнному миру и уровню настроения всех троих.

– Вполне возможно, что сбежал, – задумчиво произнесла Харука.

Она до сих пор придерживала правую руку, которой достался ощутимый разряд электричества, левой.

– А вы ожидали от него чего-то другого? – тихо спросил Дзюн.

Ответом, который и так был очевиден, послужила лишь

тишина со стороны спутников и гул машин с широкой автомобильной дороги. Каждый думал о чём-то своём, но фон у этих мыслей был общий. Они проклинали ту минуту, когда решили согласиться на услуги этого афериста, который не принес им ничего, кроме проблем. Даже солнце, не желая смотреть на эти самые проблемы, сокрылось за облаками.

Но все эти неприятные мысли перевесило предвкушение новой встречи с этой маленькой красавицей. Последние метры и последние ступени до своей квартирки Дзюн уже не мог думать ни о чем другом, как скажет ей очередную красивую глупость, а она чуть зардеется и скажет «спасибо». Никогда он не мечтал так быстро попасть на свою работу.

Не сказав особенных объяснений по поводу того, что сегодня он уходит на работу так рано, Дзюн пробыл дома всего лишь пятнадцать минут, вместо обещанного получаса, и вот, оставив Кенту и Харуку одних в своей квартире, он уже вышел обратно на улицу, чтобы быстро завести свой мотоцикл, доставшийся ему на распродаже подержанных транспортных средств. Дорога промелькнула перед глазами в доли секунды, хотя он и не думал превышать положенную скорость. Он просто пребывал в сладостных мечтаниях, и казалось, что в голове уже играет другая музыка, ещё не слышимая, но та, что обязательно надо записать.

Придя на работу довольно рано, Дзюн удостоился похвалы со стороны начальника за ответственное отношение к своим обязанностям. Дзюн лишь почтительно поклонился,

загадочно улыбаясь. Он приступил к своим прямым обязанностям, всё поглядывая на входную дверь магазина.

Но она не приходила. Прошёл час, два... Это было довольно странно, и солнце, до сих пор скрываемое облаками, уже успело зайти за горизонт. За окнами стало темно. Дзюн присел за прилавок, чтобы записать мелодию, крутившуюся в голове целый день, но этого не вышло сделать, и он просто замер с занесённой над тетрадью ручкой и бессмысленным взглядом.

– Скажите, а этот фотоаппарат хороший?

Он поднял глаза, с трудом оторвавшись от тетради. В лёгком бежевом пальто и с блестящими глазами, перед ним стояла та, которую он уже не надеялся увидеть сегодня. Она указывала на фотоаппарат фирмы Nikon, а глаза так и блестели, и улыбка была самой очаровательной. Дзюн улыбнулся в ответ. Встав со стула, он принялся разыгрывать роль почтительного продавца.

– Не сказал бы, – начал он. – Я бы посоветовал Canon. Многофункциональный фотоаппарат с тысячей возможностей.

Мидори притворилась, будто задумалась над предложением. Но через полторы минуты уже бросила этот маленький театр.

– Спасибо, – всё так же улыбаясь, произнесла она. – Но сегодня я пришла за другим...

– Ах, да, – будто только что вспомнив, сказал Дзюн. – То-

гда попрошу вас пройтись со мной по набережной Ёдогава.

– Это обязательно?

– Обязательней некуда, – важно сказал Дзюн.

– Ну, если так...

Как можно скорее Дзюн отпросился с работы, хотя и так оставалось всего два часа и, захватив с собой эту маленькую вещичку, которая позволила ему познакомиться с этой девушкой, вышел вместе с ней на улицу. Она всё так же улыбалась, а он не знал, как вести себя с ней, потому что совсем не хотел сравнивать её со всеми теми девушками, которых он уже встречал. Поэтому некоторое время они шли по направлению к набережной просто молча. Увидев красивый пейзаж, реку, искрящуюся в свете многочисленных фонарей, Мидори достала из сумки маленький фотоаппарат и сделала несколько снимков.

– Так любишь фотографировать? – спросил Дзюн.

Они подходили к набережной всё ближе и ближе. В другое время в этом месте было бы много людей, но давно уже настал вечер, к тому же зима забирала тепло вне зависимости от желания людей.

– Учусь на фотографа, – весело ответила она. – И да... люблю фотографировать.

– Тебя бы саму фотографировать... – пробубнил Дзюн про себя.

– Что?

– Сегодня прохладно, говорю. Но именно сейчас река кра-

сива.

– Да, очень красива. Так... светло и...

– Я принес товар, – неожиданно прервал ее Дзюн.

Они остановились в самом начале набережной. Со стороны реки уже тянуло холодом. Луна робко выглянула из-за облаков.

– Но есть одно условие.

Мидори вопросительно посмотрела на него. В свете луны она казалась немного бледной.

– Я могу отдать товар только после поцелуя, – произнес с невинным видом Дзюн. Глаза Мидори при этом чуть расширились, но улыбка все оставалась на её лице.

– Это тоже обязательно?

Вместо ответа Дзюн ещё с несколько секунд смотрел на девушку, а потом резко склонился и коснулся её губ. Она вздрогнула от неожиданности, сначала даже хотела освободиться, но парень не дал этого сделать, и она лишь обняла его за шею одной рукой, прикрыв глаза и всё больше отдаваясь во власть человеку, которого видела всего четвертый раз в жизни. Луна скрылась за облаками, оставляя этих двоих только наедине друг с другом. Сколько прошло времени, никто из них не мог бы сказать, они просто были вместе, и это было прекрасно и совсем необычно.

Первой остановилась Мидори. Отойдя от парня на шаг, Мидори ещё раз посмотрела в его глаза, но долго не смогла выдержать взгляд этих черных глаз. Она отвела взгляд,

посмотрев на мягкое блестящее полотно реки, но через несколько секунд почувствовала, как Дзюн прикоснулся пальцами к её лицу, заставив Мидори снова повернуть голову к нему. Музыкант просто смотрел на неё и где-то в глубине до сих пор не понимал, что же с ним происходит, ведь это просто не свойственно его натуре обращаться с девушками вот так, просто нежно и заботливо. Дзюн поцеловал её в лоб, только потом сказав:

– Вот твой товар.

Он достал из кармана коробочку из-под конфет, которая осталась от подарка на День Святого Валентина** от одной из его многочисленных пассий. Он хранил упаковку не из-за каких-то там воспоминаний, которые могли бы быть дороги его сердцу, а всего лишь потому, что коробочка была красива. Мидори непонимающе взглянула на Дзюна, потом взяла коробочку. Открыв её, она убедилась, что там только то, что она покупала несколько дней назад.

– Спасибо... – растерянно произнесла она. – Тогда я пойду, наверное...

Она уже ступила шаг в сторону, но Дзюн удержал ее за руку, и она послушно остановилась.

– Постой, – сказал он. – Завтра... Завтра на этом самом месте. Я буду ждать тебя.

– Почему я должна приходить? – спросила она, взглядом уткнувшись в асфальт.

– Разве ты не моя девушка? – удивился Дзюн.

– Я? Я твоя?..

– А ты против?

Больше Мидори не нашлась, что сказать. Она просто ушла, только почувствовав, как хватка Дзюна ослабла. А он сам ещё долго стоял на одном месте, задумчиво глядя ей вслед. Когда она уже отошла на достаточно большое расстояние, он снова крикнул ей:

– Завтра, вечером, на этом месте!..

Но она не обернулась. Может, она уже и не слышала, а может, просто не хотела показывать, что слышит.

Луна вновь вышла из-за облаков.

*Косака – одна из старейших психиатрических больниц.

**...которая осталась от подарка на День Святого Валентина – в Японии в этот праздник девушки дарят конфеты мужчинам.

– Не понимаю я этих женщин!..

Дзюн пришел домой уже около полуночи, громко захлопнув за собой дверь, от чего сотряслась половина стены. Слова были произнесены и того громче. Он не выглядел злым или раздражённым. Просто на его лице отражалось крайнее непонимание всего того, что произошло два часа назад.

– От тебя ли я это слышу? – удивился Кента.

Он сидел на полу, скрестив ноги и пытаясь подобрать слова к концу песни, музыку к которой недавно написал Дзюн. Слова всё не находились, так что ближе к полуночи он уже

всерьез начал грызть карандаш, поэтому от него осталась лишь половина. Харука давно ушла, и он сидел совсем один.

Не обращая внимания на заданный вопрос, Дзюн скинул ботинки примерно в середине комнаты, несколько не сожалея, что оставил на полу килограмм уличной грязи. Самое верное, что ему казалось сейчас – это принять горячий душ, что он и сделал, не сказав более ни слова. Встав под горячие тугие струи воды, он начал прокручивать в голове все слова, сказанные в тот вечер. Обычно девушки рады, если он на них лишь посмотрит. Она удостоилась большего, но повела себя совсем по-другому. Почему? Этого Дзюн и не мог понять, но именно это в ней и привлекало.

– Скажи мне рифму к слову «freedom», – сказал Кента, как только Дзюн вышел из ванной комнаты, на ходу вытирая волосы полотенцем.

Дзюн ещё долго делал вид, что не слышит, а может, оно так и было из-за интенсивного вытирания головы.

– Kingdome, – наконец ответил он.

– О, точно! – воскликнул Кента, тут же записав это слово в тетрадь. – А как это связать?.. – спросил он, когда его пыл немного поутих.

Но это Дзюн уже не услышал. Он просто сидел на диване, прислушиваясь к звукам ночи, которые были оставлены за дверью, и полностью ушёл в свои мысли, от чего его не смогли бы отвлечь ни наводнение, ни упавший самолет прямо на его комнатку.

– Эх... – Кента разочарованно махнул на него рукой. – Хорошо. Тогда в следующей песне тебе ни строчки не достанется.

Угроза, казавшаяся Кенте самой страшной в мире, не возымела на Дзюна никакого действия, и он продолжал сидеть на диване, раскинув руки по его спинке и расслабленно прикрыв глаза.

Так, сидя на диване, он и провел остатки ночи. Настал новый день, а он вступил в него со старыми проблемами, впервые за долгое время неразрешимыми. Он пришел к выводу, что лучше всего в данной ситуации отдалиться на усмотрение времени.

Тем не менее, несмотря на личные проблемы Кикучи Дзюна, солнце встало вновь, и, как повелось, Страна Восходящего Солнца встретила его первой. Громкие голоса вновь зазвучали на улицах, ученики снова заторопились в школу, а люди постарше – на место своей работы. Все, кроме нескольких личностей, досыпавших положенное им.

Первым зашевелился Кента, который так и заснул на полу, потому что добираться до чего-то более удобного просто не было сил. Открыв один глаз, он снова его зажмурил. Но потом, проидентифицировав окружающую обстановку и поняв, что уже далеко не раннее утро, он поднялся и уселся на пол. Он ещё некоторое время повертел головой, чтобы окончательно проснуться. Решив, что это совсем несправедливо, что Дзюн ещё видит десятый сон, он встал и подошёл к нему.

Легонько потряс его за плечо. Ещё раз. Никакой реакции. Потеряв терпение, Кента начал трясти друга за плечи так, что ещё немного, и голова бы могла потерять своё основное местоположение.

– Землетрясение? – невнятно произнес Дзюн, проснувшись, наконец.

– Типа того... – ответил Кента, оставив друга в покое.

Непризнанный великий гитарист ещё некоторое время просидел на месте молча, пытаясь понять, где он, какое сегодня число, да и вообще, кто он такой. Наконец понимание окружающей обстановки достигло всех глубин его сознания, и он встал с места своего недавнего ночлега и приступил к приготовлению завтрака. Не то чтобы он умел готовить искуснейшие блюда мировой кухни, просто обстоятельства вынуждали. В итоге, он и Кента наполнили свои желудки яичницей, булочками, которые уже начали подсыхать и чашками кофе, потому что других напитков в доме не оказалось.

– Куда сегодня? – дожевывая остатки завтрака, которым, впрочем, насытиться вовсе не удалось, спросил Кента.

– К Томору, – немногословно ответил Дзюн.

Он уже съел свою порцию и теперь припоминал, что ещё съедобного могло остаться в стареньком холодильнике. Придя к неутешительному выводу о том, что полки холодного аппарата уже полностью опустошены, и неплохо было бы сходить, наконец, в продуктовый магазин, он поднялся из-за стола и начал собираться. На сегодня очередь мыть посуду

была за Кентой. У него самого были более приятные мысли и дела.

До того, как прийти к барабанщику, они зашли в магазин купить булочек, так любимых Кентой, чтобы заполнить оставшееся в желудке место. Потом – в магазин, единственное место, где можно было купить новые струны, и который располагался в другом районе, в стороне от их основного пути. Так что к Томору они пришли ближе к вечеру. Пришли, чтобы встретить пренеприятнейший сюрприз.

Еще не зайдя в подвал, их так называемую «студию», они уже услышали из-за двери этот низкий и хриловатый голос, который только своим звучанием мог вывести кого угодно.

– И кто же вам позволил опять вернуться сюда? – только открыв дверь, спросил Дзюн.

Злой и раздражённый, он спустился в помещение и встал, скрестив руки на груди, прямо перед Шибутани. Дзюн был на пару сантиметров выше этого человека, так что он несколько не смущался такой позы, которая придавала ему только уверенности. Шибутани отступил на шаг. Он поблагодарил все высшие силы, которые сегодня заставили его надеть свитер, потому что он не позволял увидеть мурашки, которые полностью покрыли его тело.

– Я договорился с одним заведением, – вместо ответа сказал он голосом немного более тонким, чем ожидал. – Вы там должны петь сегодня...

– Почему это должны? – подключился к разговору Кента.

Томору, до сих пор молча наблюдавший за этой маленькой сценой, вдруг сказал:

– Постойте, я всё понимаю, вчера он поступил неправильно, но... Может, дадим ему ещё один шанс? По крайней мере, до тех пор, пока не найдём нормального менеджера.

Томору всегда отличался мягким характером и безграничной добротой. Наверное, этому были причиной его младшие сестры, которых он помогал нянчить матери. С каждым его словом Шибутани всё более возвращал себе былую уверенность.

– Да-да, я смогу вывести вас на вершины шоу-бизнеса, – поддакнул он. – Только надо начинать с малого. Так вот, сегодня вы должны будете выступать в одном клубе, он недалеко. Бесплатно, но зато сможете заработать хоть какую-то популярность...

Почему-то Дзюн несколько не сомневался в том, что Шибутани вернётся к ним именно так – с видом, будто ничего не произошло и полной уверенностью в жалком себе. Что ж, сегодня не оставалось ничего, кроме того, что надо было смириться с судьбой. Незаметно сжав кулаки, Дзюн слушал дальнейшие разглагольствования этого наполовину свихнувшегося человека.

Через полчаса к ним пришёл Юта. Только увидев Шибутани, он вздрогнул и ещё с минуту стоял на одном месте, боясь произнести хоть слово. За ним, с разницей в десять минут, пришла Харука. Она неслышно прошептала прокля-

тия себе под нос, только увидев непотопляемого менеджера. Клавишница уселась на своё привычное место, спрятавшись за синтезатором. Будь её воля, она бы и вовсе ушла обратно, но было крайне некрасиво разворачиваться на сто восемьдесят градусов, если тебя уже заметили.

Шибутани рассказал всем вкратце о своем новом гениальном плане, который заключался в выступлении в клубе, совсем недалеко, в пяти минутах ходьбы. Во время его рассказа все участники обменивались взглядами, означающими одно – что ж, послушаем его, но в последний раз, потом только гнать его вшаей. На сборы времени оставалось мало, на месте надо было быть уже совсем скоро, через час.

– Но инструменты надо брать с собой, – неожиданно закончил Шибутани.

– Как с собой?.. – не поверил Томору.

Его беспокойство было вполне объяснимо, потому как перетаскивать барабаны с места на место было крайне неудобно и совсем нежелательно.

– Ну... – задумался Шибутани. – Вот так. Идём?

– Нет, сначала вы ответите на вопрос, – возразил Томору.

– Ладно-ладно. – Менеджер поднял руки в обезоруживающем жесте. – Будем переносить в несколько заходов.

Этим он заставил всю команду прийти в кратковременный ступор. Кто-то просто помотал головой, – кто-то устало пожал плечами.

– Вы, правда, в своём уме? – не выдержал Кента.

– А тебе только микрофон нести, так что будешь помогать, – добавил Шибутани.

На том все споры и прекратились. Не оставалось ничего, кроме как опять послушаться этого наполовину сумасшедшего субъекта. Как и обещалось, пришлось преодолеть путь, который и так не отличался близостью вопреки обещаниям Шибутани, в несколько заходов, а точнее в три. Но больше их поразил внешний и внутренний вид самого клуба, носящего гордое название Top of the tower. Как снаружи, так и изнутри он не внушал особого доверия, а размеры подошли бы гномам, но никак не существам человеческого роста. Освещения было годно только для того, чтобы разглядеть силуэты людей, а предлагаемую еду можно было попробовать только камикадзе. Но чего не сделаешь ради того, чтобы твои песни слышали, хотя бы несколько десятков человек.

И они были вознаграждены сполна, потому что вопреки всем благоразумным ожиданиям спустя полчаса после открытия клуба в нём оказалось довольно много народу. Да что там, целая толпа, которая, впрочем, весьма недоверчиво прислушивалась к музыке, начавшей раздаваться со сцены. Люди более были заняты своими очень важными делами, типа обсуждения новой татуировки на руке или пробы своего любимого алкогольного коктейля. Но с течением времени на группу стали обращать внимание, а кто-то даже подпевать в некоторых местах. Чтобы привлечь еще большее внимание Кента вспомнил совет Шибутани, который был здесь же, в

первых рядах зрителей. Подумав еще немного, он в удобный момент ухватил Юту за руку, когда его партия закончилась, и приобнял, да настолько, что это было похоже на настоящие объятия. Юта сначала начал сопротивляться, но потом, поняв, что это бесполезно, да и совсем не нужно, поддался. Ещё немного, и при повороте головы его губы невзначай мазнули по щеке Кенты, так что это вызвало писк с девчачьей стороны. В их духе всегда была восторженность к таким вот движениям. Поэтому, получив свою долю экстаза от внимания зрителей и забыв обо всем, Кента продолжал такие действия, закончившиеся тем, что он поцеловал Юту в губы. Дзюн только улыбнулся, а Томору лишь сочувственно вздохнул.

Так, тихо и незаметно этот небольшой концерт подошёл к концу. Несмотря на желание продолжать дальше, нужно было освободить сцену для других музыкантов, поэтому группа начала медленный и совсем нежелательный спуск вниз на танцпол. Шибутани исчез куда-то ещё раньше.

– Простите, не могли бы вы... расписаться?

К Кенте подлетела девица довольно юного возраста со столь желанным вопросом. Сначала удивившись, Кента попросил ручку и листочек, чтобы выполнить просьбу. Он всегда мечтал, чтобы у него просили автограф тысячи людей, и вот одна из тысячи подбежала сегодня. Он поставил на бумажку пару закорючек, в своей совокупности выглядевших очень даже привлекательно.

– А как называется ваша группа? – спросила девица, когда они уже двинулись дальше.

Томору и Дзюн переглянулись, а Кента уже раскрыл было рот, чтобы ответить, но их прервали другие звуки.

– Хей! – незамедлительно отреагировала Харука на то, что кто-то довольно ощутимо наступил ей на ногу.

– Йю! – довольно громко поздоровался кто-то из многочисленной толпы.

Недолго думая, Кента отбросил предыдущий вариант названия, возникший в голове.

– Неу-уо! Наша группа называется Неу-уо! – ответил Кента.

Четыре пары глаз уставились на него. А он не подал и виду, что хоть как-то смущается или ещё что-то.

– Спасибо! – ответила девица. – Кстати, вы неплохо смотрите вместе!

Эти слова были адресованы Юте, который тут же зарделся до невозможности, и Кенте. Тот отнёсся к этому заявлению, как самая настоящая звезда – просто пожал плечами, имея в виду, что ничего особенного в этом и нет.

Они ушли, не дожидаясь Шибутани ни на секунду. Идти было хорошо, налегке. Прежде чем уйти, они договорились с администрацией клуба о том, чтобы оставить барабаны до завтра.

– Нэ, – обратился к Кенте Дзюн, когда они уже подходили к дому Томору, где остались их вещи, – откуда ты взял это

дурацкое название?

– Не знаю, – просто ответил солист, что было самой настоящей правдой.

На это Дзюн ничего не ответил, просто усмехнулся, а потом забрал оставшиеся вещи, рюкзак, в котором было всё нужное для работы на сегодня, и ушёл, даже не заглядывая домой, в магазин электротехники, до которого ещё нужно было добираться на метро, проехав добрую половину станций линии Чуо. Но разве важны были расстояния? Сегодня он намеревался снова встретиться с этой молодой красавицей. И, совсем не думая о работе, он грёзил о том, как встретится с ней.

Но сегодня на набережной Ёдогава его встретил только ветер. Её не было. Простояв там, как дурак целый час, он повернул в сторону дома. Нет, сегодня она точно не придёт.

Она не пришла и завтра. Дзюн уже было подумал, что она не придет совсем, отчаявшись из-за такого расположения дел. Солнце вставало и заходило, а он всё думал о ней, горько сожалея о том, что он не взял у неё номер телефона или адрес электронной почты.

Им овладела скука.

===== Дела сердечные =====

– Простите, всё-таки вы рекомендуете именно этот фотоаппарат?

Ещё один скучный рабочий день закончился именно этим вопросом. И он бы обратил на него мало внимания, если бы его не задавала та, которую он ждал уже пятый день. Даже не поднимая головы, он мог сказать, что это именно она, Мидори, ведь у неё был необычный голос, а на отсутствие музыкального слуха он не жаловался. Голос этот был мелодичным, и он удивился один раз, почему она учится на фотографа, а не стала новомодной певицей.

– Да, именно этот, – поднявшись со своего привычного стула, серьёзным тоном ответил Дзюн.

– Хорошо... я подумаю, – привычно улыбаясь, сказала Мидори.

– А над тем, чтобы пойти со мной на свидание, подумаешь? – невинно добавил он.

– Может быть, – игриво ответила она.

И вот, без лишних промедлений и проволочек, он уже сопровождал её в кафе «Парижское сияние», которое как раз находилось неподалеку от его места работы. Мидори не могла долго выносить молчания, поэтому уже через десять метров начала расспрашивать его о группе. Какое у них направление музыки, долго ли вместе, были ли сотысячный концерты... Её интересовало всё. А он охотно отвечал, но потом...

– Почему ты не пришла на следующий день? – вдруг резко сменил он тему разговора.

Они уже подходили к кафе, и парень невзначай взял её за

руку. Сначала Мидори не дала ему это сделать, даже отпрянула на полметра, но потом смирилась с такой настойчивостью.

– Потому что была занята, – уклончиво ответила она. – И потом... я испугалась.

– Меня? – не поверил Дзюн.

На это она ничего не ответила, опустив голову.

– Кстати, – вдруг сказала она, резко вскинув голову. – Та ваша песня... «Никогда не отпускай», мне очень понравилась.

Самодовольная улыбка Дзюна так и осталась незамеченной, потому что именно в этот момент он открыл перед ней дверь кафе, чтобы окончательно убедить в том, что он галантный кавалер.

– Спасибо, – только и сказал он, зайдя в помещение за ней. – Это... так, я ночью выдумал.

Они зашли в не совсем большое помещение, ярко освещённое лампами, в изобилии свешивающимися с потолка. Несмотря на поздний час, посетителей было довольно много и, кстати сказать, в основном молодежь. Светлые тона, а на стене в дальнем углу Эйфелева башня. За окном было промозгло и довольно холодно, но внутри очень тепло, так что хотелось остаться тут на несколько часиков. Тёплая и уютная атмосфера только располагала к беседе.

Пара прошла к свободному столику, и милая официантка тут же подлетела к ним, чтобы представиться и спросить,

не готовы ли они сделать заказ. Они вдвоём, будто сговорившись, ограничились только чашкой кофе и пирожным.

Как ни странно, в самом кафе Мидори чуть приутихла и разговаривала мало, смутившись от такого внимания со стороны крайне необычной личности. Этой самой необычной личности пришлось спасать положение.

– Так почему ты меня испугалась? – спросил Дзюн, отпивая глоток кофе.

Его взгляд был крайне пристальный, такой, что невозможно было и с мыслями собраться, не то, что речь произнести. Мидори опустила глаза и стала смотреть в свою наполовину пустую кружку. Так оказалось легче соображать.

– Просто потому, что всё это происходит быстро, – наконец ответила Мидори.

Ответ её был пространен, но Дзюн сразу же понял девушку. Почему она ответила именно так? Обычно девушки были только счастливы такому развитию событий, но именно эта, необычная и такая странная студентка вдруг испугалась этой излишней спешки. И именно этим она понравилась Дзюну. Он понял, что это будет не просто однодневный роман.

– Не надо бояться, – сказал гитарист, улыбаясь не как обычно, а как-то по-другому, почти искренне.

Этот тон заставил Мидори снова поднять голову и посмотреть на него. В этот момент в нём не было ничего страшного. Он был просто парнем, подрабатывающим в магазине электротехники. Она улыбнулась в ответ.

– А вы уже выпустили свой альбом? – спросила Мидори, резко сменив направление разговора.

Эта тема была больной для Дзюна. Он бы уже выпустил тысячу альбомов и миллионы синглов, но... Всё упиралось в деньги, которые нужно было заплатить за звукозаписывающие студии, и отсутствие доверия к такой до сих пор малоизвестной группе.

– К сожалению, пока нет, – не показав всех этих мыслей, сказал Дзюн.

– А... но ничего, я верю, что вы скоро выпустите самую лучшую песню, – всё так же улыбаясь, ответила Мидори.

– Если ты уверена, то так и будет!

– Да-да, обязательно... О!

Этот внезапный выдох был вызван не тем, что несмотря на поздний час на улице оставалось всё так же много прохожих, и не тем, что внезапно погас фонарь, который стоял ближе всего к окну. На небе вдруг показались белые точки, спешащие опуститься на землю, собраться вместе и покрыть собой всю поверхность.

– Снег! Посмотри, снег! – восхищенно воскликнула Мидори, прилипнув к окну и радуясь, словно ребенок.

Дзюн и сам удивился не меньше. Приподняв брови, он смотрел на эти белые пушистые точки всё спускающиеся с неба. Вроде бы о таком глобальном событии не предупреждали в прогнозе погоды, но с природой не поспоришь. Последний раз он помнил снег три или даже четыре года назад.

Это явление было здесь настолько редким, что все уже успели позабыть о том, что снег может быть не только в фильмах. А снег всё продолжал и продолжал падать на землю и крыши домов, совсем не задумываясь о том, что здесь ему быть не положено.

– Не заканчивается... – тихо сказала девушка, всё продолжая смотреть в окно. – Как же я вернусь домой?

Этот вопрос она задала скорее себе, а не собеседнику, глубоко задумавшись над таким важным вопросом. И вопрос был вполне оправдан, потому что кафе уже заканчивало свою работу, а в интернете писали, что метро из-за осадков ограничивает движение. До дома пешком от метро было около получаса.

– Я знаю одно хорошее место, чтобы переждать, – сказал Дзюн.

Девушка тут же с подозрением посмотрела на него, но обстоятельства требовали быстрого решения, поэтому спустя ещё полминуты она согласилась последовать за ним. Спустившись через две минуты в метро, они проехали всего пять станций. В такое время в метро уже было довольно мало людей, и впору было вспомнить тот ужастик о том, что в метро не только люди, но и ещё кто-то пострашнее, но, будто отгоняя эти дурные мысли, Дзюн невзначай приобнял взволнованную девушку, когда они проезжали последнюю станцию.

Конечно же, первое место, о котором он подумал, был его дом, и сейчас Дзюн молил всех богов, чтобы там не оказалось

Кенты. Он уже думал позвонить ему на всякий случай, но через секунду отбросил эту глупую идею. Вот, ещё немного, и они окажутся у него дома, а он совершенно не представлял, что делать с этой необычной девушкой, которая заставила почувствовать нечто большее, чем простое желание.

Уже подходя к многоэтажному дому, стоящему посреди снежной бури, словно домик в маленьком снежном шаре, она немного замедлила шаг.

– Мы ведь идем к тебе?.. – спросила она, перебирая в голове ещё тысячу вариантов того, что можно было сказать, и чего было сказать нельзя.

Дзюн задумался на секунду. Что говорить? Один неверный шаг, и она уйдет от него...

– Да, – наконец прямо ответил он. – Но не бойся! – поспешно добавил он, заметив, как Мидори уже сделала полшага в обратную сторону. – Мы просто переждем снег, а потом я провожу тебя домой, хорошо?

Она ещё подумала немного, оставаясь на месте, но потом медленно вложила свою руку в его протянутую ладонь. Они быстро, почти бегом, преодолели последнее расстояние. Остановились они только на площадке первого этажа, оба пытаясь отдышаться, что удалось не так скоро. Потом Мидори взглянула на своего спутника и ни с того ни с сего рассмеялась. Вид подающего большие надежды гитариста с пурпурным румянцем на щеках и мокрыми волосами, с кончиков которых то и дело срывались капли, рассмешил ее настоль-

ко, что она смеялась довольно долго, хотя и сама была точно в таком же положении. Смеялась она настолько звонко, будто серебряные колокольчики, что Дзюн тоже улыбнулся, а затем и вовсе пустился в обычно не свойственный ему откровенный смех.

– Пойдём? – наконец отсмеявшись, спросил он.

Она быстро вернулась в своё обычное состояние, с лёгкой улыбкой и какой-то загадкой.

– Идём, – только и ответила она.

Они поднялись на двадцать пятый, самый последний этаж, не самого богатого дома в районе. Дзюн достал ключи, чтобы открыть дверь. Раньше у него это действие никогда не вызывало особых трудностей, но вдруг он понял, что она заставляет его волноваться, чего не было никогда раньше. Он чуть не выронил ключи из рук.

Кое-как справившись с этой неожиданно трудной задачей, Дзюн пригласил Мидори войти. Та, ещё помедлив несколько секунд, всё же переступила порог. Зайдя после неё сам, Дзюн вздохнул спокойно – дома никого не было. Но вот наступала новая задача – он вдруг испугался, что не сможет контролировать себя.

– Значит, здесь ты живешь? – осматриваясь, спросила Мидори.

Дзюн взглянул на неё. Её плечи мелко подрагивали, но она старалась скрыть это всеми силами.

– Да, здесь, – ответил Дзюн. – Уже три года.

– Неплохо... – продолжая осматриваться, заметила Мидори.

Может, она хотела сказать ещё что-то, а может, хотела подойти и рассмотреть поближе маленькую фигурку, стоящую на столе, но Дзюн не дал ей сделать этого. Порывисто преодолев разделявшее их расстояние, так быстро, что Мидори даже не успела подумать хотя бы о чём-то, он взял её за плечи, посмотрел в её лицо, которое казалось ему в этот момент самым прекрасным на свете. Он подумал еще две секунды, но сопротивляться своему порыву уже просто не имело смысла, и он приник к её губам. Девушка вздрогнула от неожиданности, но прошло всего мгновение, и она приоткрыла свои губы. Продолжительный поцелуй никак не прерывался, никто и не пытался этого сделать. Его руки гладили спину Мидори, а она сама крепко обнимала его за шею. Наконец, по прошествии времени она немного отстранилась, все же оставаясь в его объятиях.

– Теперь не холодно? – прошептал Дзюн.

Он коснулся её лба своим и просто смотрел в эти блестящие глаза. А Мидори только помотала головой из стороны в сторону, продолжая всё так же обнимать парня.

Они стояли так, близко-близко, обнявшись и не желая это прекращать. Вот уже последняя снежинка упала на землю, и мягкий пушистый белый покров начал таять, а им так не хотелось отпускать друг друга.

Рука Дзюна уже потянулась к краю кофты студентки, но

он отдернул руку, только погладив по спине, осторожно, пытаясь не испугнуть. А Мидори оставалась в этих объятиях несравненно горячих рук, согревающих её лучше всякого одеяла. Ещё несколько секунд, и она сама потянулась к его губам. И тогда он уже не стал себя сдерживать.

Взошедшее солнце слабо освещало мокрый асфальт и небольшие лужицы – всё, что осталось от вчерашнего снегопада. В основном картина была безрадостная. Но это не меняло того, что кто-то спешил на учёбу, а кто-то – на работу. И только в одной комнате на самом верху одной из многоэтажек было тихо, темно и сонно.

Дзюн открыл глаза, через секунду их закрыв снова, – взошедшее солнце показалось ему нещадно светящим прожектором, от которого нигде не скроешься. Он осторожно повернул голову в сторону. Увидев лежащую рядом прекрасную девушку, а не смятую в бесконечной череде снов постель, он удивлённо приподнял брови. Потом ещё некоторое время просто смотрел на неё, подперев рукой голову.

Да, такие ситуации были не в новинку, и очень часто он просто не мог вспомнить имя той, с которой провёл ночь, но именно её имя он помнил очень хорошо.

– Мидори... – тихо позвал он её.

У неё задрожали веки. Она ещё долго не хотела открывать глаза.

– Доброе утро, – так же тихо прошептал Дзюн, когда де-

вущка всё же посмотрела на него.

Она только улыбнулась в ответ на это, продолжая смотреть на это исполненное непритворной впервые за долгое время нежностью.

– Уже утро? – наконец произнесла она, заправляя непослушную прядь за ухо.

– Хочешь сходить со мной на репетицию? – вместо ответа спросил Дзюн.

Сначала Мидори совершенно не поняла его слов, потом чуть нахмурилась.

– Зачем? Я ведь буду только мешать...

В итоге, после недолгих уговоров, авторитетного голоса Дзюна и приготовленного Мидори завтрака они вместе отправились в дом Томору. К этому времени солнце уже давно перевалило на вторую половину неба.

В подвале их встретил страшный гомон. Одновременно говорили сразу трое, и все эти трое старались перекричать друг друга. Как всегда мигала одна лампочка, которую вечно забывали поменять, благо, что вторая ещё исправно работала.

– А я говорю, нужно другое название! – не в первый раз воскликнула Харука со скрещенными на груди руками.

– А мне и это нравится, – возразил Кента, наверное, впервые за всю историю их отношений. – Оно довольно оригинальное и легко запоминается.

– Да послушайте же меня! – кричал Юта, но вопреки его словам, старшеклассника никто и не собирался слушать. – Я категорически против этого нашего «менеджера», давайте...

– Дзюн!.. – обрадовалась Харука, только увидев чёрную шевелюру на пороге.

Она уже хотела подбежать к нему, уже сделала один шаг, но... за ним, держась за его руку, вошла другая девушка. Она немного стеснялась, бросала взгляд в разные стороны, боясь ступить дальше, и Дзюну приходилось буквально тянуть её за собой.

– А это... кто? – притихшим голосом спросила Харука, рассматривая девушку, смутившуюся под её пристальным взглядом.

– Это?.. – переспросил Дзюн. – Можете познакомиться, это моя девушка. Её зовут Мидори.

Девушка вовсе опустила голову. Обычно ей было легко начать сразу общаться с незнакомыми людьми, но не в этот раз. Робость, вдруг закрававшаяся в её сердце, делала её совсем нерешительной. Но Дзюн крепче сжал ладонь Мидори. Это придало ей некоторую уверенность.

– Привет, – настолько весело, насколько она могла, сказала Мидори.

– Привет... – тихо ответила Харука, даже забыв представиться.

Вдруг её сердце сжалось в маленький комочек и упало, остановившись где-то на уровне коленей. Она чуть не осела

на пол, чудом выдерживая напряжение. Ей хотелось тут же уйти отсюда и никогда не видеть эту девушку, ведь клавишница всегда знала, что Дзюн был только для неё, это он её нашел, это он привел её сюда! Она вздохнула. Но никто этого не заметил.

Остальные же рассматривали Мидори с интересом. Кента гадал, зачем Дзюн притащил сюда свою новую девушку, а Томору, до этого до сих пор сидевший на диване в углу, только хмыкнул. Юта присмирел.

– Ну что, начнём репетицию? – как ни в чем не бывало сказал Дзюн.

– И она будет здесь? – спросил Кента.

– Да, конечно, – уверенно ответил гитарист, а потом обратился к Мидори: – Можешь присесть вон там.

Он указал на диван, на котором сидел Томору. Девушка неуверенно прошла к указанному месту.

Репетиция началась.

Многие люди могли бы подумать, что во время репетиции музыканты усиленно репетируют свои песни, по ходу дела придумывая что-то новое. На самом деле это далеко не так. Если сравнить время исполнения их песен и их пререкания, то второе занимает намного большее количество времени, чем первое. Тем не менее, Мидори с интересом наблюдала за действием, ведь она никогда не видела такого раньше.

Кента изредка поглядывал на неё, вздыхая каждый раз, как их взгляды сталкивались. Не потому, что она ему понравилась.

вилась, просто он прекрасно знал, что ни одна девушка не задерживалась у этого своенравного парня хотя бы на неделю, и эта, по его мнению, не могла стать исключением. Поэтому ей придется пролить не две-три слезинки, а намного больше.

Но так думал Кента, а потом и вовсе забыл о своих неве­сёлых мыслях, подумав о проблемах насущных, а именно – где переночевать в этот раз. Если у Дзюна появилась новая симпатия, то несколько дней к нему лучше не заходить. К Харуке просто неприлично так заваливаться на всю ночь, хотя так хотелось. Может, договориться с Ютой? В последнее время они стали неплохо ладить. Да, так он и сделает.

Кента с улыбкой посмотрел на школьника, от чего тот смутился и отступил на шаг, чуть не выронив из рук бас-гитару. Ну вот, Юта уже надумал себе, что чувства к нему Кента испытывает не только на сцене, но и в жизни. Ксо!.. Надо с ним поговорить по этому поводу.

Репетиция закончилась раньше, чем обычно. К ним не заглядывала их общая головная боль, Шибутани Кен, и их одной из главных составляющих, Томору, нужно было уйти на работу пораньше. Так что все разбрелись по своим делам.

– Нэ, Юта-кун, давай я тебя угощу порцией отменного рамена? – хлопнув того по плечу, сказал Кента.

Они шли по плохо освещённой улице, которая вела к более оживлённой, около станции метро. Юта тут же ускорил шаг после такого предложения.

– Погоди, чего так бежишь? – Кента принялся догонять младшего.

– Я не хочу так больше!.. – воскликнул Юта, когда солист догнал его и заставил посмотреть на себя. Тот зажмурился и весь напрягся.

– Что ты не хочешь? – не понял Кента. – Да, я тоже не хочу бегать. Поэтому давай съедим по порции...

– Парочку больше не хочу разыгрывать! – прервал его Юта. – Я думал, это только на сцене, но теперь и в жизни. Не надо меня ничем угощать! Если так продолжится и дальше, то я уйду из группы...

Несколько секунд Кента смотрел на него, как на умалишённого, потом он уже не смог сохранять серьёзный вид, и, наконец, смех вырвался наружу. Он смеялся долго и безудержно.

– Что с тобой? – Теперь пришла очередь Юты не понимать, что происходит.

– Ну ты навывдумывал! – сквозь смех удалось сказать Кенте. – Я ведь просто хотел попросить пустить меня у тебя переночевать. Больше-то негде.

Последняя фраза прозвучала серьёзно, и Кента подумал, что взболтнул лишнего. Может, свести всё в шутку? Он мельком посмотрел на Юту. Нет, пусть расценивает, как хочет.

– Правда... негде? – не поверил Юта. – А как же твоя богатая семья и всякие светские вечеринки?

На несколько мгновений в воздухе повисла тишина. Притих даже звук шелестящих по асфальту шин, а холодный ветер на секунду остановился.

– Пойдём есть, – сказал Кента. Больше ничего добавлять не хотелось.

Они пришли в тот же ресторан, куда ходили и в первый раз вместе, потому что рамен здесь был действительно отменный и не такой дорогой, как во многих других рестораничках. Это было всем, что голодной душе угодно. Усевшись за стол, первые пять минут они молчали, занятые очень важным делом – уничтожением вкуснейшего рамена. Наконец, когда двое уняли хоть немного свой голод, ведь они не ели с самого утра, настало время беседе, необходимой, когда разделяешь с кем-то трапезу.

– Так почему ты не хочешь идти домой? Поссорился с родителями? – снова спросил Юта.

Кента оценивающе взглянул на него. Достоин ли он рассказа о его тысяче и одном приключении с тех пор, как...

– Нет у меня родителей. Я никогда их не видел.

Это заявление привело Юту в некоторое замешательство. Выходит, весь этот рассказ о богатой семье был совершенной неправдой? Но при одном взгляде на Кенту можно было предположить нечто подобное. Посетителей становилось всё меньше и меньше, так что не приходилось перекрикивать своих соседей по столикам.

– Не знаю, почему так случилось, но ещё во младенчестве меня подкинули к дверям какой-то семьи. Те меня взять к себе не хотели – у самих было трое детей. И они принесли меня в детский дом. Это мне всё воспитатель, Тогава-сенсей рассказывала. До некоторых пор я жил там. Но потом ушёл оттуда. Ещё в средней школе я познакомился с Дзюном. Чаще всего я жил, да и сейчас живу у него. Не получается, только когда он с новой девушкой знакомится. Мне жалко ту, что он привел сегодня...

Он чуть отвлекся и посмотрел в окно, за которым была только темнота. А Юта смотрел на него с ожиданием. Ещё бы!.. Нечасто можно услышать откровения самого Такахаши Кенты.

– А что потом?.. – не выдержал школьник.

Кента встрепенулся, будто ото сна, и немного с удивлением посмотрел на Юту.

– Потом я работал в разных местах. Надо ведь деньги зарабатывать. Мне не хватало денег на старшую школу, но те люди, к которым меня подбросили, оказалось, вспомнили обо мне и дали денег. Естественно, на университет они не расщедрились. Но это и не важно, потому что моё призвание – музыка и группа!

Последние слова Кента уже произнес так громко, что на него обернулась добрая половина оставшихся посетителей. Кента мог бы и дальше разглагольствовать в том же духе, но вдруг весь как-то сник. Теперь он думал, зачем он вообще

рассказал всё этому юнцу? Мысленно ругая себя за болтливость, он расплатился и уже встал.

– Подожди... – остановил его Юта.

После этой слёзной истории Юта был готов пустить этого парня не на одну ночь, а на целый месяц. Уж больно мягкое сердце у него было, и истории вроде этой всегда трогали его. Он был способен даже прослезиться, но в этот раз он мужественно сдерживал себя.

– Будешь у меня ночевать, – великодушно сказал Юта и тут же мысленно начал перебирать вещи, которые могут пригодиться для ночёвки. Кровать-то одна.

От полноты чувств Кента даже обнял Юту. А тот не отшатнулся, но всё же как-то весь напрягся.

Комната оказалась ещё меньше, чем предполагал Кента. Но грех было жаловаться, и он уверенно переступил порог. Юта коротко объяснил, что где находится, хотя, впрочем, и объяснять было нечего – все вещи в комнате были как на ладони.

Было уже довольно поздно, и глаза слипались на ходу. Не было сил даже придумать, куда положить гостя, поэтому было решено поделить кровать пополам. Хозяин комнаты был далеко не в восторге от такой идеи, Кента же воспринял это всё более чем спокойно, ведь главное – было где спать. Только они добрались до кровати, в роли которой, кстати, выступал раскладной диван, тут же отключились от действитель-

ности – настолько была сильна усталость.

Утро же началось с продолжительного крика. Он был настолько громкий, что мог разбудить не только рядом лежащего человека, но и хозяйку сдаваемой комнаты, живущей на третьем этаже.

– Ты что кричишь? – щурясь от яркого утреннего света и пытаясь прикрыть уши ладонями, охрипшим со сна голосом сказал недовольный Кента.

– Ты что здесь делаешь? – срывающимся голосом спросил Юта.

Кента удивленно посмотрел на него. Ранее приступов амнезии у самого младшего участника их группы он не замечал.

– Ты что, забыл?

Юта кивнул, так и не вспомнив событий, произошедших несколько часов назад. Это подтолкнуло Кенту к тому, чтобы над ним немного подшутить.

– Жаль, что ты забыл эту прекрасную ночь... – задумчиво произнёс Кента, сделав при этом крайне мечтательный взгляд.

– Мы что... – начал Юта. Его голос уже подрагивал. – Мы...

– Это было прекрасно, – добавил Кента, внутри уже разрываясь от смеха.

Вдруг Юта вскочил с постели и скрылся в ванной. Через пять минут он вышел уже в школьной форме и с портфелем

в руке. Пробежав всю комнату с невероятной скоростью и как можно осторожнее обходя Кенту, он выскочил на улицу. А виновник переполоха как бы невзначай и забыл сказать, что сегодня воскресенье, и в школу идти не обязательно.

===== Иногда мир несправедлив... =====

– Приветствую вас, ваша светлость, – снова, как уже давно вошло в привычку, поприветствовал Кенту барабанщик Томору, даже чуть склонившись в приветственном поклоне.

– Приветствие принимается, – ответил тот, пройдя вглубь комнаты и сохраняя королевскую осанку.

Такахаши Кента пребывал в весёлом расположении духа, и ничто не могло испортить его настроения. По крайней мере, ближайшие два часа. Если только метеорит не упадет ему прямо на голову. Его настроение обычно всегда было на довольно высоком уровне, но сегодня оно поднялось почти на самую вершину, потому что его грустная, но, тем не менее, правдивая история, которую до этого знал один лишь Кикучи Дзюн, была забыта и не имела возможности испортить его репутацию.

– Где Юта? – на всякий случай поинтересовался Кента, хотя и так было понятно, что его здесь нет.

Томору только пожал плечами, продолжая постукивать одной палочкой по барабану. Сегодня у него выдался нелёгкий день, и для того, чтобы прийти в более менее уравнове-

шенное состояние, ему нужно было посидеть так, молча и безучастно, ещё несколько минут. Иногда работа менеджера по продажам действительно выматывала. Но материальная нужда его семьи заставляла его каждое утро просыпаться с первыми лучами солнца и идти на эту надоедливую работу.

– Что, опять она? – спросил Кента, заметив такие монотонные постукивания, которые могут быть только в одном случае.

Томору только кивнул. Рассказывать уже давно известную, но так и не прекратившуюся историю было скучно и бессмысленно. К чему? Уже давно все участники группы были в курсе об этом. Но начиналось все совершенно обыденно...

Наступила весна, и Томору шёл, счастливый и весёлый, на работу. Месяц назад он получил степень бакалавра в Осакском Университете, а позавчера устроился на работу в небольшом торговом центре. Он был готов к мелким сложностям, с которыми столкнулся в свой первый день и не был ими огорчён. Всё было так, как он и предполагал, и вот рабочий день уже близился к концу, как...

Она была красива, но уже не молода, так что она была красива настолько, насколько позволял ей выглядеть её возраст. Прочитав бейджик на её пиджаке, Томору узнал, что её зовут Ямакита Хикари. Она шла прямо к нему, и Томору несколько смутился от такого.

– Рада поприветствовать нового сотрудника в нашем отделе, – певучим голосом сказала она, как только подошла к нему.

Томору только поклонился в ответ на столь дружелюбное приветствие. Он представлял, что начальники, а она была заведующей этого самого торгового центра, могут быть столь дружелюбны.

И в дальнейшем она оставалась такой же дружелюбной и внимательной ко всем сотрудникам, но больше всего проявляла внимание к Томору. Сначала он совсем не обращал на это внимания, но в один день она вызвала его к себе в кабинет на последнем этаже, где располагалась вся канцелярия.

– Аоки-сан, я бы хотела поговорить с вами, – сказала она, спустя несколько секунд, как он вошел в кабинет.

Она стояла к нему спиной, отвернувшись к окну и смотря на оживлённую улицу внизу. Томору недоуменно приподнял брови, припоминая все недочеты в своей работе.

– Что вы хотели сказать, Ямакита-сан? – на всякий случай спросил Томору, ощущая, как сердце медленно опускается вниз.

– В последнее время я заметила некоторую небрежность в вашей деятельности, – начала она, обернувшись к нему. Сегодня разрез декольте у неё был особенно глубокий. – Также вы слишком часто уходите рано с работы...

Как и следует в таких случаях, Томору опустил голову и выслушивал выговор.

– Но мы с вами... с тобой можем поправить ситуацию, – неожиданно сказала Ямакита Хикари.

Томору вскинул голову и внимательно посмотрел на женщину. Никогда он ещё не слышал, как она обращалась к сотрудникам так фамильярно. А она продолжала медленно подходить к нему.

– Всё будет хорошо, и ты дальше можешь уходить с работы так рано, и я могу сделать тебе прибавку к зарплате, если... ты будешь со мной.

Она подошла к нему вплотную и взяла его правую руку. Через несколько секунд она приложила ее к левой стороне груди.

– Чувствуешь... – прошептала она. – Чувствуешь, как бьётся сердце?

Томору не верил своим глазам, не верил всему происходящему, казалось, это сон, но часы, стоящие на столе, продолжали отбивать чёткие удары, а её сердце беспорядочно билось.

– Как только я тебя увидела, как только услышала твой голос, я поняла, что только тебя я ждала так долго...

Хикари расстегнула одну пуговицу на своем пиджаке, под которым ничего не оказалось, и снова взяла руку Томору, заставив прикоснуться к оголённой груди, уже не такой упругой, как когда-то. При этом она издала еле слышный стон. Парень всё продолжал хмурить брови, продолжал терпеть, но последнее действие просто вывело его из себя, и он по-

пытался ухватить руку. Он не хотел причинить ей боль, но она всё удерживала его руку.

Она уже скинула с себя пиджак, уже хотела снять юбку, но это не вызывало в Томору никаких чувств, кроме отвращения.

– Ну иди же... – сладостно шептала она, – иди же ко мне, я так долго ждала...

Томору, наконец, вырвал свою руку, откинув при этом начальницу на пол, потому что просто не рассчитал силы. Она продолжала лежать на полу, только в расстегнутой юбке, и смотрела на него, умоляя прикоснуться к ней. Томору лишь медленно отходил, а потом вовсе убежал в коридор.

Ямакита Хикари продолжала вызывать его к себе в кабинет долго и надоедливо, добиваясь лишь одного. Томору бы уже давно уволился, если бы нашёл другую работу, или у его семьи бы хватало денег на проживание... Но, всё было совсем не так.

– Только сегодня... – вдруг начал он, хотя обычно был немногословен.

Кента посмотрел на него, ожидая продолжения. В подвале пока никого не было, оставался только один слушатель.

– Сегодня я не смог сдержаться, – продолжил Томору. – Я старался, но...

– Ты её убил? – не на шутку испугался Кента.

Томору только горько улыбнулся и покачал головой.

В этот день она просила, умоляла, плакала. Потом обняла его колени, никуда не отпуская. Не раздражение, но гнев уже переполняли его.

– Я дал ей пощечину, – сказал Томору, заставив глаза Кенты расширяться до невероятных размеров. – Потом вышел, сам себя не помнил.

– Да... – только и протянул Кента в ответ на такую новость.

В таких случаях действительно не знаешь, что на это сказать. И сочувствие не к месту, и поздравление не получается. Томору обхватил голову руками, палочка упала на пол. Что будет дальше? Он совсем не знал.

– Что такая мрачная атмосфера? – раздался громкий голос.

В подвал зашёл Дзюн, больно весёлый в этот раз. Ещё бы немного и он бы начал танцевать от веселья, но из последних сил сдерживался от такой прыти.

– И Юта тоже молчаливый, как рыба... – продолжил Дзюн.

– Юта здесь? – встрепенулся Кента.

– Да, идёт сюда, – ответил Дзюн. – А что?

В ответ на это на лице Кенты лишь появилась легкая усмешка. Он бы и посмеялся, но вдруг внутри его шевельнулась резкая струнка, похожая на угрызения совести, обычно

несвойственные ему.

Через несколько минут к компании, наконец, присоединился ранее упомянутый Юта. Он и раньше страдал неразговорчивостью, притом, что уже скоро выпускные экзамены, но в этот день побил все рекорды. На Кенту он смотрел не с опаской, как тот того ожидал, а так, будто в нём сосредоточились все пороки мира.

В этот раз репетиция проходила вяло и неинтересно, так, как бывает, когда половина участников совершенно не в духе. В итоге, было решено прекратить её совсем и разойтись пораньше, чтобы получить необходимую норму отдыха и сна, что так всем хотелось.

Последним уходил Кента, которому опять вздумалось подшутить над Ютой, а потом сказать, что это всё неправда и совершенно неважно. Ночевать ведь надо было где-то. На пороге он обернулся, кинув взгляд на Томору, который продолжал сидеть за барабанной установкой и смотреть в пустоту, отчего даже сердце сжалось.

– Не переживай, – на всякий случай сказал Кента. – Всё будет тин-топ!

Барабанщик никак не отреагировал на это заявление, прекрасно давая понять, что он так совсем не считает.

Наступил следующий день, такой же прохладный и ветренный, как и прошлый. На свой страх и риск Томору отправился на работу с утра пораньше. Та же дорога, то же метро, тот

же магазин, те же сотрудики, но...

– Вы уволены, – оказались первыми слова, которые услышал Томору, как только пришёл в отдел управления. Это сказал глава персонала, который был обычно лоялен к сотрудникам. Томору остановился на месте, как вкопанный, не имея даже сил спросить: почему?

– За невыполнение прямых обязанностей, не говоря уже о сексуальных домогательствах к Ямакита-сан. Вы хоть знаете, что из-за вашего поведения она до сих пор не может прийти в себя?

«А... вот, значит, как», – думалось Аоки Томору. Грязные игры начальницы просто вывели его из себя окончательно, и он даже не посчитал нужным хоть как-то оправдаться, просто забрал все свои вещи, которых и так здесь было немного – всего лишь пару папок с документами.

– Вам ещё повезло, что Ямакита-сан не заявила в полицию из-за ваших действий, – продолжал глава персонала. – Какое же у нее доброе сердце... – со вздохом закончил он.

Когда Томору уже выходил из торгового центра, он окинул взглядом начавшее наполняться людьми здание, место, где он честно работал столько времени. На секунду ему показалось, что он увидел в окне последнего этажа её лицо, жёсткое и холодное, но спустя всего лишь миг его уже не было. У него вдруг появилось непреодолимое желание подняться туда обратно и дать ей вторую пощёчину, если и так терять уже нечего. Он невольно ступил шаг назад, но усилием воли

остановил себя, а потом пошел в противоположную сторону.

Улица была переполнена прохожими. Магазины и всяческие дешёвые лавочки были красиво украшены в преддверии праздников. Вот уже совсем скоро, всего лишь через три дня будет Рождество. Хорошенькие же подарки оказались под этот праздник... Томору поморщился.

Противная сырая погода только добавляла раздражения. Именно сейчас хотелось снега, такого редкого в этих краях, настолько редкого, что основное население знало его только по фильмам. Томору медленно шёл к станции метро, перебирая тысячи предположений, где же ещё можно заработать денег. От идеи зарабатывать средства на существование он когда-то отказался. Так он мечтал когда-то, когда только встретил Кикучи Дзюна. Теперь все было по-другому. Нужно было платить за дом, копить деньги на обучение сестры в старшей школе, нужны были деньги на лекарства больной матери. Отец пропадал на работе целыми днями, приходил домой лишь ночью, чтобы рано утром снова поехать в компанию Panasonic, чтобы работать мелким служащим. Иногда Томору думал вовсе уйти из группы, ведь она не приносила никакого дохода, но всё как-то не решался.

Вдруг на глаза попало объявление о приглашении на работу. Предлагалась вакансия продавца в музыкальном магазине. Объявление висело на стене здания прямо около метро. Совершенно не раздумывая, Томору сорвал номер телефона и зашёл в подземку. Весь путь домой его одолевали тя-

желые размышления, так что он даже забыл надеть наушники, из которых обычно всегда слушал музыку, если находился один.

Придя домой, он спустился в подвал. Там ему всегда легче думалось. Но его ждал ещё один неприятный сюрприз. Чего-то не хватало... Было слишком много места...

– Шибутани!.. – закричал Томору.

Барабанов в помещении не было и в помине. И только одна палочка, оставленная на память или просто по рассеянности, обозначала место, где раньше стояла ударная установка. Сомнений в том, что это сделал не кто иной, как Шибутани Кен, не оставалось. На всякий случай Томору поднялся и проверил не пропало ли что-то ценное, но все осталось на месте.

Первым порывом было пойти и отыскать этого мерзавца, чтобы убить, а потом спрятать тело. Но, как известно, первые порывы всегда быстро ослабевают и порой они совсем неправильные, поэтому вторым, что хотел сделать Томору, было позвонить и потребовать вернуть всё на свои места. Но оказалось, у него нет телефона. Поэтому третье, что он сделал, – это просто сел на корточки на месте, где стояли барабаны. Так он сидел довольно долго, пока его тело не начало подрагивать. Не от холода. От того, что по щеке скатилась сначала одна непрошенная капля, потом вторая...

В таком состоянии его и застал Кента. Он даже не заметил отсутствующий элемент. Просто, наверное, это было впер-

вые, когда он видел друга таким потерянным и таким беспомощным.

Кента ещё немного смотрел на Томору, не говоря ни слова, а потом подошёл и присел рядом с ним. Помедлив ещё немного, Кента похлопал его по плечу.

– Что случилось? – наконец спросил Кента после нескольких бесплодных попыток задать этот немаловажный вопрос.

Барабанщик, оказавшийся без своего главного инструмента, грустно взглянул на человека, показавшего верх глупости в данный момент.

– Ты сам не видишь? – Томору провёл рукой по воздуху, на месте которого должна была стоять барабанная установка.

Кента вначале бросил взгляд на стену, потом на диван, почесал в затылке.

– Тут завелись мыши? – громко воскликнул Кента, резко встав на ноги.

Томору оставалось только горько вздохнуть. Иногда глупость, порой проявляющаяся у их красавчика, просто выводила его из себя, но на правах старшего он сдерживался изо всех сил и смотрел на все это, как на милые шалости ребенка. Но в этот день Кента побил все рекорды.

– Шибутани забрал барабанную установку, – сквозь зубы произнёс Томору, вытирая щёки. – Не знаю, зачем они ему, куда он их дел, но вот результат.

Барабанщик только развел руками. Кента наконец-то заметил изменения в комнате, и ему оставалось лишь приот-

крыть рот от удивления.

– Нам надо его найти и всё выяснить, – выдал мудрое умо-
заключение крашенный красавчик.

– Я как раз собирался этим заняться. Только не знаю но-
мера его телефона, и где он живёт.

В итоге компания из трёх человек отправилась на поис-
ки этого бесчестного человека, который доставил им столько
беспокойства. Трёх, потому что в последний момент к ним
пришел Дзюн, совсем не удивившийся пропаже. Его взгляд
лишь говорил одну единственную фразу «я же вас предупре-
ждал», но на неё он даже решил не тратить своей словесной
энергии.

– Где твоя новая девушка? – решил мимоходом спросить
Кента, когда все трое уже подходили к дому, адрес которого
как-то раз указал сам Шибутани и который был у Дзюна, чего
меньше всего желал их незадачливый менеджер.

– Сказала, что сегодня в университете допоздна, – просто
ответил Дзюн. – Она тебе понравилась?

Кента на секунду задумался, что делал он весьма редко.

– Она хорошая. Будь с ней помягче...

Больше он ничего не сказал, а гитарист и не спрашивал.
Он и сам понимал, что с таким сокровищем ему следует об-
ращаться аккуратно, тем более, всегда существует вероят-
ность, что сокровище это отберут.

Вот они и подошли к тому самому дому, при виде которо-
го сразу же появлялось желание отмыть все его стены. Брезг-

ливо окинув взглядом это непривлекательное здание, Томору нажал на кнопку звонка. За дверью не раздалось ни единого звука. Он нажал ещё раз. Тишина...

– А вы что здесь делаете?..

Этот голос раздался сзади, заставив всех троих синхронно обернуться. Перед ними предстал не кто иной как Шибутани Кен, глаза которого стали неестественно широкими, а руки начали подрагивать. Спустя ещё секунду он резко сорвался с места и побежал в обратном направлении. Оказалось, что для своего возраста он ещё сохранил былую прыть, но соревноваться с молодежью ему всё же не удалось, и вот через две минуты его держали с обеих сторон, а Дзюн встал прямо перед ним, загораживая дорогу.

– Вы что-нибудь хотите сказать? – спросил он.

Шибутани сначала посмотрел на Дзюна, а потом на двоих, удерживающих его. Поразмыслив ещё немного, он вздохнул, а потом начал рассказывать свою слёзную историю о том, как проигрался начисто в го, а денег у него не было совершенно, чтобы отдать долг.

– Совсем не было денег, – вновь повторил незадачливый менеджер. – И я ненадолго позаимствовал у вас барабанную установку. Вы не беспокойтесь! – тут же воскликнул он, почувствовав, как хватка с обеих сторон усилилась. – Это на время. Я не продал, просто заложил. Но завтра я отыграюсь и всё вам верну.

– Вы так уверены, что отыграетесь? – деланно удивился

Дзюн.

Шибутани снова смутился, но всё же ответил:

– Конечно! А если нет... я всё равно вам все верну!

– Вы... – впервые за всё время вступил в разговор Томору, – вы жалкий человек.

– Я... – начал было Шибутани, но вдруг совсем не нашёлся, что ответить. Ему хотелось придумать какую-нибудь глупую шутку, чтобы скрасить эту напряжённую атмосферу, но в голову ничего не приходило, и он так и остался стоять на месте с приоткрытым ртом.

Томору развернулся и пошел в обратном направлении. За ним последовали и остальные. В сердце Шибутани неожиданно закралось забытое давно неприятное чувство. Он уже давно забыл, как можно ощущать стыд.

Репетиции в этот день не было за неимением одного из главных составляющих. Барабаны Томору находились неизвестно где, а чревовещанию он пока не научился. Поэтому все в приунывшем состоянии разошлись кто куда. Томору остался горевать на диване в подвале. Кента позвонил Юте, который отпросился ещё в предыдущий день, но телефон оказался выключенным, так что пришлось вернуться к лучшему другу. Дзюн от такого поворота событий был далеко не в восторге. Планы на вечер растаяли в один миг. А Харука...

Она никогда не рассказывала о своей семье и вообще умалчивала о том, как она живет. С сожалением посмотрев в

сторону уходящего Дзюна, она ещё постояла немного, а потом пошла только одной ей известной дорогой.

С самого детства родители видели в ней только будущего талантливого музыканта. С самого детства она брала частные уроки игры на фортепиано у именитых учителей. Но к своим девятнадцати она поняла, что всё это не её. Так она оказалась в этой группе. Так начались бесконечные ссоры и конфликты в её семье. Харуку укоряли, уговаривали, принуждали... Но она оставалась неприступна. Через некоторое время она перестала ночевать дома, заходила туда всё реже. Обычно девушка жила у своей подруги детства Акико. Они знали друг друга ещё с детского сада и с легкостью могли угадать ход мыслей друг друга. В последнее время Акико приходилось выслушивать стенания по поводу новой девушки Дзюна, «совсем некрасивой и глупой», по словам Харуки.

– У неё теперь, видите ли, времени нет! Вертихвостка... – С этими словами Харука громко закрыла дверь и бросила свою сумку на пол.

Акико вышла из кухни. Поверх её одежды был надет фартук – она любила готовить. Все обязанности по готовке в семье лежали на ней, но она совсем не возражала. Длинные прямые волосы были собраны в хвост. Сравнительно высокая, она частенько ловила мужские взгляды, но совсем их не замечала.

– Что случилось? – успокаивающе спросила она подругу. Харука ещё некоторое время пыталась перевести дыхание

и хоть немного успокоиться. Это ей удавалось с трудом.

– Она... Эта новая... отказалась с ним сегодня встречаться. Всего лишь потому, что она в своём институте занята!

– Разве это не хорошо? – поинтересовалась Акико.

– Я его знаю... У него интерес ещё больше разгорится от этого.

Раздражённая и поникшая она прошла на кухню и уселась на стул, подперев голову рукой. Акико вернулась к своему очередному кулинарному шедевру.

Харука думала о том, что когда-нибудь Дзюн всё-таки обратит на неё внимание. Просто у него не будет выбора. А уж для этого она постарается.

– Можешь одолжить мне на завтра ту свою юбку, которую ты так и не надевала, потому что она короткая? – обратилась она к подруге.

Та лишь пожала плечами. Она считала, что это всего-навсего идея, на которой заикнулась Харука и которая ни к чему хорошему не приведет. Жест подруги Харука восприняла как согласие. Теперь на её лице была злорадствующая улыбка, что означало, что она что-то задумала.

На следующий день она отправилась в дом Томору, надев эту самую короткую юбку и сделав яркий макияж. Но там её ждало полное разочарование – не было никакой репетиции, а значит, и всех остальных участников группы. Её встретил лишь Томору, предложил попить с ним чай, на что она машинально согласилась.

Она решила проведать Дзюна на работе. Раньше Харука часто туда заходила. По дороге она купила сладости, те, что так любил Дзюн. Но на работе его не оказалось. Взял отгул, сказали коллеги. Может, он в колледже? Она не знала, где находится это здание. Позвонить... «Аппарат абонента выключен или...».

Серая скучная зима показалась ещё более скучной и безнадёжной. Оставшиеся листья на деревьях добавляли уныния своей безжизненностью. Харука шла по улице, название которой даже не знала. В голове не было ни одной цельной мысли, кроме полного разочарования. Она зашла в торговый центр просто потому, что дорога впереди была перекрыта ремонтной бригадой.

Магазины, магазинчики и лавки... Красочные вещи, блестящие побрякушки. Всё это привлекало, но только не Харуку. Её настроение опустилось на предпоследнюю отметку, и поднять его всякими блестящими вещицами не представлялось возможным. Она зашла в дешёвую забегаловку, названия которой даже не заметила. Эта мысль становится навязчивой, думалось ей. Дзюн никогда не относился к ней как к больше, чем просто подруге. Даже не подруга. Просто временная участница...

Время работы торгового центра уже подкрадывалось к концу. Со вздохом она поднялась из-за столика и направилась к выходу. Надо это заканчивать, решила она. Надо забыть Дзюна. Может, уйти из группы?..

На темном ночном небе нельзя было увидеть ни одной звёздочки. Всё перебивал неживой электрический свет вечных стражей улиц, фонарей. Харука медленно шла вперед. Никто не звонил ей, никто не спрашивал, где она пропадает. Вдруг в её сердце закралось одиночество.

– Эй, куколка, что ты здесь делаешь одна?

Эти слова заставили её вернуться в реальность. Она увидела перед собой трёх молодых людей, старшеклассников или студентов. Неожиданно она поняла, что находится совсем одна в тёмном переулке. Она уже повернула обратно, но врезалась в широкую грудь ещё одного коротко стриженного парня, схватившего ее за плечи. Его глаза были почти чёрными.

– А где твой парень? – спросил он медовым голосом.

Харука попыталась вырваться. Когда-то Акико учила её приёмам самообороны, увиденным по телевизору. Она попыталась применить их сейчас, но ничего не вышло. Сзади её схватил другой. Харука попыталась закричать, но ей закрыли рот рукой. Вышло только мычание.

– А ты горячая... – сказал первый парень.

Его рука спустилась к юбке Харуки, потом задрала и начала ласкать... там. Она закрыла глаза, чтобы не видеть всего этого, чтобы по волшебству оказаться где-нибудь в другом месте. Не получилось. Неожиданно Харука укусила руку, закрывающую ей рот. В ответ послышался только смех. В ответ была только пощечина. В ответ ей разорвали застёж-

ки пальто, откинули его в сторону, грубо стянули свитер. От злости она не чувствовала холода. Она злилась не на них. Она злилась на себя.

Парень с чёрными глазами прислонил её к холодной стене, закинув ноги себе на бедра. Он уже возился со своим ремнем, уже расстегнул его, уже...

Вдруг зазвонил телефон. Все замерли, смотря друг на друга. Весёлая мелодия звонка была совсем не к месту. Звонок прекратился. Все уже забыли про неизвестный телефон. Ужас в глазах Харуки смешался с утомлением. Ей уже надоела эта прелюдия. Хоть бы всё скорее закончилось. Парень с чёрными глазами разорвал на ней нижнее бельё.

Опять звонок. Все опять замерли. А Харука решила воспользоваться моментом и оттолкнула его ногами, да так, что тот упал. Как можно быстрее она схватила своё пальто. От неожиданности хулиганы замерли, а потом побежали вслед. Когда-то в школе Харука заняла первое место в беге на короткие дистанции. Сейчас требовалось добежать до оживленного места. Вот и светлая улица, ещё немного... Людские голоса и музыка оглушили её с головой. Смешно же она выглядела сейчас, в пальто без застёжек и перевернутой наоборот юбке. А в следующую секунду её заключили в объятия теплые руки. Она подняла голову...

– Кента? – удивленно спросила она, всматриваясь в знакомое лицо.

– Ты в порядке? – вместо ответа спросил он.

Она опустила голову. Ей не хотелось смотреть в глаза друга.

– Теперь я грязная... – пробубнила она.

– Они что-то успели с тобой сделать? – испуганно спросил Кента. Теперь не нужно было смотреть в телефон, чтобы узнать, кто звонил. Как он оказался именно здесь, спрашивать не хотелось.

Харука лишь помотала головой. Она так и не могла посмотреть в глаза Кенте. Это было выше ее сил.

– Пойдем домой? – вместо всего, что хотелось сказать, произнес Кента.

Обняв Харуку за плечи, он повел её домой к Томору. Это было самое лучшее место после произошедшего, чтобы отвлечься, успокоиться, перебирая пальцами клавиши уже ставшего родным синтезатора.

– Танцуйте!

С этим словом Дзюн ворвался в так называемый репетиционный зал. От его громкого голоса трое человек, находящиеся там даже вздрогнули от неожиданности. Все внимательно посмотрели на радостный, одетый в чёрно-красное субъект.

– По какому поводу? – поинтересовался Томору.

– Я узнал адрес игорного клуба, где Шибутани заложил нашу драгоценность. Теперь нужно сходить туда и...

– Упасть на колени, прося о снисхождении? – продолжил

Томору.

– Н-нет. – Веселье Дзюна несколько поубавилось. – Хотя бы узнать, как там обстоят дела. А может, кто-то из вас умеет мастерски играть в го?

Все переглянулись. По унылым лицам ответ был ясен.

– Я умею, – слышался тихий голос из-за спины Дзюна.

Гитарист обернулся и внимательно посмотрел на Юту. Он выглядел бледным и невыспавшимся. Волосы всклокочены, а школьный галстук был завязан кое-как.

– Серьезно? – переспросил Томору.

– Немного, – смутился Юта.

В итоге, было решено в этот же день отправиться в заведение, где можно за минуты приобрести целое богатство или этого богатства лишиться. Отправились всей компанией. Солнце светило теплыми лучами с холодного зимнего неба.

===== Игра =====

Оставалось совсем немного до наступления Рождества. Улицы преобразились в праздничные королевства, а люди готовились отмечать одно из самых красочных событий в году. Даже сомнительное заведение на улице Катамачи было украшено подобающе.

У двери не было звонка, так что пришлось стучать. Открыли далеко не сразу. Вся компания стояла, переглядыва-

ясь, не произнося ни слова. Наконец, дверь открылась, на пороге показался прилизанный, от этого ещё более противный тип. При виде молодых людей он немного удивился, но тут же попытался овладеть своими эмоциями.

– Чего вам?

Тон открывшего дверь человека не отличался доброжелательностью.

– Мы пришли отыгаться, – так же недоброжелательно ответил Кента.

Теперь на лице человека отразилось уже искреннее непонимание. Он внимательно осмотрел всех, стоявших перед ним. Они смотрели на него с вызовом. Только один, что был позади всей компании, опустил свой взгляд.

– То есть мы пришли забрать ударную установку, которую проиграл вам некий Шибутани-сан недавно, – спокойно исправил недопонимание Томору.

– Тогда вам придётся сыграть, – ответил человек. – Вам есть, что поставить на кон?

Теперь настал черед Томору и остальных незнающе переглядываться. Наконец, Томору сунул руку в карман и достал оттуда двадцать тысяч иен.

– Вот, – сухо сказал он, отдавая деньги, которые предназначались на закупку продуктов на неделю его семье.

Неизвестный человек для верности пересчитал деньги, только потом пустив всех в дом.

– Добро пожаловать в наш клуб любителей го! Меня зовут

Киритани Атсуши, и сегодня я буду вашим проводником!

Как только деньги попали в руки этому человеку, настрой его сразу же изменился, и он превратился в самую любезность. В самом доме было тесно, даже трудно дышать от обилия ненужных вещей. Вещи, стоявшие вдоль стены, казались совершенно ненужными. Старый компьютер восьмидесятих годов? На нём скопилась полугодовая пыль. Все, кроме Киритани, проходили по этому складу вещей, то и дело оглядываясь.

Наконец, они вышли в более-менее просторную комнату, где было установлено несколько гобанов*. За одним из них уже играли.

– Ожидайте здесь, пожалуйста, – снисходительным голосом произнес Киритани.

Наконец, из-за занавески показался щупленький парнишка лет двадцати. Трудно было определить, уложены ли его волосы лаком или они настолько немытые, что способны выдержать любую форму. Неуверенной походкой он подошёл к гобану и сел на стул.

– Кто из вас играет? – спросил неизвестно откуда появившийся Киритани.

– Я, – ответил Юта с опозданием, подняв немного трясущуюся руку.

Киритани жестом указал на стул напротив этого худенького человека. Юта ещё помедлил немного, но всё же прошёл к указанному месту.

– Всех остальных попрошу удалиться, – добавил Киритани.

Четверо музыкантов переглянулись, но всё же ушли за дверь. Только как вышел Томору, последний, посыпался шквал обвинений в адрес этого странного заведения. Все сошлись на мнении, что это чистейшая афера. Но нужно было освобождать важную вещь, поэтому приходилось идти на поводу этой аферы. Мало кто верил, что Юта сможет исполнить задуманное – больно уж уверенный вид был у этого щуплого парня. Но ничего другого не оставалось, поэтому на самого младшего из группы были возложены все надежды.

А тем временем самому младшему достались белые камни, и он растерялся в самом начале игры, решая, куда же лучше всего поставить свой камень. Прилизанный парень, который представился как Томоки Соджи, терпеливо ожидал первого хода, но к концу третьей минуты уже начал выказывать своё нетерпение. Наконец, Юта решился поставить камень в правый угол. Томоки незамедлительно ответил своим камнем. В следующий раз Юта уже не раздумывал так долго над своим ходом. Игра началась.

Спустя сорок минут Юта уже начинал проигрывать территорию на доске. Но не на шутку увлечшись игрой, он не терял веры в победу. Причём друзья за дверью, он чувствовал это, болели за него.

Симпатичная девушка в короткой юбке, может, подрабатывающая старшая школьница, каждые полчаса наливала в

стакан чаю, но Юта даже не притронулся к напитку. На его лбу выступило несколько капель пота – умственное напряжение требовало больших сил.

– Ай-ай-ай, я бы сделал другой ход, – в разгаре игры произнёс Томоки после очередного хода Юты.

Услышав эту фразу, в сознании Юты появилась некоторая паника. Томоки что-то задумал? Какой-то хитрый ход? Или просто блеф? К тому времени Юта лишь немного отставал от Томоки, ещё несколько ходов, и он мог выиграть с небольшим перевесом. Но эти слова...

Настал короткий перерыв в игре, связанный с потребностью Томоки справить нужду. Этим темп игры был нарушен. Через десять минут после возвращения ему пришлось ответить на звонок. Всё это сбивало Юту с толку, и он стал допускать ошибки.

Увидев удачный возможный ход, он даже громко выдохнул. Вот оно, спасение! Юта попытался сохранить спокойное выражение лица, что давалось с великим трудом, и поставил свой камень в нужное место. Томоки даже вздрогнул, но быстро справился с собой.

Игра близилась к завершению, когда игрок с противоположной стороны доски неудачно встал для своего очередного звонка. Он задел доску, отчего камни с его стороны немного смешались. Дико извиняясь, он попытался восстановить порядок, но вышло так, что на той территории, где выигрывал Юта, теперь имел преимущество Томоки. Что же

делать? Юта не мог исправить ничего в своём положении гостя.

– Что-то он долго... – сказала Харука, поглядывая на настенные часы.

Вся компания сидела на стареньких низких диванчиках. Каждый попеременно отпускал своё замечание насчет долгого времени игры. Разговаривали мало, боясь вспугнуть робкую удачу, которая должна сопровождать Юту. Томору почти всё время молчал.

– Конечно, – через некоторое время ответил Кента. – Некоторые матчи и в течение месяца продолжались.

– Надеюсь, до этого не дойдет... – сказал Дзюн.

Снова началось постукивание пальцами, напевание какой-то мелодии, беспокойные взгляды на часы. Друзья не на шутку переживали. И не только из-за того, что от матча зависит судьба барабанов. Они переживали и за друга, давно ставшего полноценным участником их группы.

Никто не заметил, как открылась дверь из основного зала. Юта всегда тихо входил. Первым на него обратил внимание Кента.

– Ну как? – подлетел он тут же со всех интересовавшим вопросом.

– Ну... – Юта немного замялся.

– Говори же! – подогнал его Дзюн.

– Три камня, – ответил младший участник.

– Что три камня? – не поняла Харука.

Юта совсем смутился. Четыре человека окружили его со всех сторон, а он не мог и слова произнести от такого оживления.

– Я выиграл с преимуществом в три камня, – наконец произнес он сдавленным голосом.

Сначала повисла тишина. За ней последовало безудержное веселье. Кто-то похлопывал Юту по плечу, кто-то обнимал, кто-то взъерошил ему и без того всклокоченные волосы. Восхищению не было предела. После радостных минут снова открылась дверь. Вышел Киритани.

– Я проведу вас к вашим барабанам. Всё равно они уже не подлежат продаже, – брезгливо бросил он.

Так, с большим трудом, была возвращена такая необходимая и привычная часть их группы, их музыки, их творчества. Барабанная установка обнаружилась на заброшенном складе. При установке её туда добавилось несколько новых царапин, но это не охладило радость компании. Но через несколько минут встал вопрос о том, как же вернуть барабаны на их законное место пребывания. Заказать грузовую машину – дорого. Перетаскивать по частям – долго. Юта вспомнил, что у Шибутани была машина, но все наотрез отказались иметь с ним дело.

– Ладно, придётся попросить Тою приехать на своей машине, – сказал после долгого раздумья Томору, вспомнив о своём друге.

Что ж, экстремальные обстоятельства требуют экстремальных действий. Пришлось долго ждать, пока друг Томору, который помог им когда-то доставить инструменты на концерт, приехал с работы. Не задавая лишних вопросов, он помог погрузить важную и объемную вещь к себе в машину.

В этот раз репетиция прошла на ура и закончилась очень поздно.

– Господа музыканты, я смог договориться на запись сингла с «Матина». Мне это стоило больших усилий и клонов!

С такими громкими словами в их общее место сбора, подвал дома Аоки Томору, ворвался Шибутани. Имеющиеся там люди, а именно Кента, Дзюн и сам Томору, нехотя взглянули на это недоразумение природы и отвернулись обратно. В это время они обсуждали музыку к их новой песне, сидя за низким столом. Даже вздохнуть по поводу надоевшего субъекта уже наскучило. Они его просто проигнорировали.

– Эй, ну вы чего не радуетесь?

Снова молчание со стороны предполагаемых собеседников. Шибутани подошёл к ним поближе. Они тихо беседовали между собой, даже не глядя в сторону неудачливого продюсера.

– Это же путь к славе! – воскликнул Шибутани в тщетных попытках привлечь к себе внимание. – Это же настоящая музыкальная студия! С неё многие знаменитости начинали...

Снова молчание. У Шибутани уже начало пропадать воодушевление, с которым он зашёл в помещение. Он даже не обратил внимание на то, что барабаны снова стоят на положенном им месте.

– Вы думаете, вам кто-нибудь поверит? – устало спросил Томору. – За всё время нашего знакомства я узнавал только ваши отрицательные черты. Вы ничтожный человек.

Всё это барабанщик говорил, не поднимая головы и не удостоив Шибутани даже взгляда. Остальные следовали его примеру.

– Ну вы хоть сходите туда! – отчаялся Шибутани, но безрезультатно. Больше на него никто не обращал внимания.

Бойкот был жестоким и безоговорочным. Горе-менеджер ещё некоторое время постоял над душой, а потом развернулся и ушел. На пороге он оглянулся в надежде, что ему поверят, но игнорирование продолжалось. Со вздохом он отправился уговаривать самого младшего участника группы, ведь на этот раз он чего-то добился!

– Вы думаете, он на этот раз говорил правду? – спросил Кента, как только дверь за мужчиной закрылась.

– Конечно, нет, – хмыкнул Дзюн.

– Согласен, – поддакнул Томору.

Мнение всех троих было одинаковым. Их слова совпадали, но что-то вдруг шевельнулось в сердце Дзюна. Может, на этот раз правда? Нет, не может быть... Он встряхнул головой, вернувшись к песне.

Несмотря на мелкие неудачи на работе, глупость Шибутани и необходимость посещать колледж по причине проходящих в нём тестов, Дзюн был относительно счастлив. Вдруг нагрянуло вдохновение, ноты будто сами складывались в ряд. А ещё была она.

Мидори была прекрасной девушкой, доброй, заботливой, красивой. Но красота – не главное. Было в ней что-то... Дзюн не смог бы определить, что именно. Но из-за этого чего-то его к ней и тянуло. Она оказалась рекордсменкой по продолжительности близких отношений с ним. Обычно девушки надоедали ему через недели, а в ней он каждый день открывал что-то новое. В этот день они тоже должны были встретиться, и гори все остальные дела синим пламенем! Иногда он думал о ней, даже больше, чем о своей музыке.

Она ему нравилась, и в один прекрасный момент он испугался своих чувств. Раньше он никогда не испытывал подобного. Она была непохожей на всех.

Ни с того ни с сего он рассказал ей об их менеджере в этот вечер. Рассказал, какой он чудак, что он пришел с новым предложением, которому, конечно же, не стоит верить.

– А может, он не соврал? – сказала Мидори, добавив ещё одну капельку в решимость кое-что проверить.

Они тогда сидели в одном из многочисленных кафе, откусывая по кусочку местной сладости. Это был рождественский вечер, и ей нужно было уйти пораньше, чтобы отпраздновать праздник с семьёй. У Мидори было приподнятое на-

строение, и она очень хотела подарить свой подарок Дзюну. Но только после того, как он подарит свой!

– Да, я приготовил тебе особенный подарок, – хитро улыбаясь, произнёс Дзюн.

Он достал коробку с диском, к которому был прикреплен маленький плюшевый мишка. Ещё немного посмотрев на него, слегка погладив, гитарист отдал коробочку девушке. А она ещё долго зачарованно смотрела на блестящую гладкую поверхность.

– Я написал песню для тебя, – снова заговорил Дзюн. – Надеюсь, понравится.

– Конечно, понравится! – спохватилась Мидори. – Спасибо тебе!

Говоря это, она поцеловала его в щёку, а он, пока она не успела отстраниться, снова притянул девушку к себе, и поцелуй этот стал более серьёзным.

В этот вечер было произнесено мало слов, да и они были совершенно бессмысленными. Главное ведь – это взгляды, случайные прикосновения. Странно, но Дзюн не смог бы вспомнить более романтический и уютный вечер, чем этот. Что-то в его сердце начало рождаться, что-то, не знакомое ему.

Слова Мидори заставили его снова обдумать своё решение проигнорировать Шибутани. А если это правда? Он не знал, как поступить. Возвращаясь домой, Дзюн напевал при-

взявшемуся мелодию и взвешивал все «за» и все «против». На каждый аргумент находился контраргумент, но на пороге своей квартирki эти контраргументы закончились, и решение проверить правдивость их нерадивого продюсера перевесило в одно очко.

На следующий день, не сказав никому ни слова, Дзюн отправился по указанному на листочке адресу. Этот листочек оставил на столе Шибутани, а Дзюн неосознанно забрал его с собой. Он совсем не заметил дорогу в метро – всё это время он раздумывал над этим предложением Шибутани. Музыкальное агентство «Матина» было достаточно серьёзным заведением, чтобы сравниться с предыдущей «музыкальной студией». Смог ли их продюсер по-настоящему добиться заключения контракта?

А вот и Кёбаши. Время в дороге пролетело совсем незаметно. Ещё пять минут, и он уже на поверхности, десять – перед его глазами высокое здание, музыкальное агентство. Постояв немного перед этим большим зданием, он отправился к его дверям.

– Здравствуйте! Вам назначено?

Вот и первое препятствие. Девушка на ресепшене терпеливо ожидала ответа.

– Ну... – Дзюн подыскивал подходящие слова. – Я пришёл по указанию своего менеджера, он говорил, что можно подписать с вами контракт...

– А вы кто, простите?

– Я из группы Неу-уо!, меня зовут Кикучи Дзюн...

– Ах, это вы! – воскликнула девушка. – Проходите, наш директор вас уже давно ждёт...

Его провели к лифту. Кабинет директора агентства располагался на самом верхнем этаже, так что пришлось немного подождать. Последний, двадцать пятый, этаж пестрел богатством и роскошью. На стенах висели картины, а на полу лежал ковер. Ваза, стоявшая на столике у двери в кабинет, чуть ли не поблескивала от чистоты.

Работница постучалась в дверь с табличкой «Учияма Са-тоши. Директор Матина», представила входящего, немного подождала ответ и пропустила Дзюна, глубоко поклонившись. Он вошёл в кабинет.

Здесь всё было ещё намного богаче, чем в коридоре. Картины, ковры, декор – всё было продумано до мелочей талантливым человеком. Но главное достояние – плакаты с исполнителями, которых содержит агентство. Рок и поп-музыканты были довольно известны, Дзюн знал почти каждого из них. Не сразу он обратил внимание на директора Матины. Запоздало поклонившись, он встал перед ним, иногда бросая взгляд на плакаты.

– Значит, это вы подопечный Шибутани Кена? – без особых вступлений начал директор.

Он был такой же чистый и блестящий, как и вся окружающая обстановка. Намечающаяся лысина и то поблескивала. Его глаза были чуть прищурены, и он часто почесывал свой

подбородок.

– Да, – просто ответил Дзюн.

– Где же вся остальная группа? Вас пять, если не ошибаюсь.

– Остальные подойдут завтра. А я...

– Хотел узнать суть контракта? – закончил за него Учима.

– Да, – снова ответил Дзюн.

Директор встал с кресла, обошел стол и сел на диван, приглашая жестом сесть Дзюна напротив него в кресло.

– Я прослушал ваши записи и пришёл к выводу, что у вас есть большой потенциал. В ваших песнях есть... что-то неординарное. Вы ещё не записывались на профессиональных студиях?

Дзюн помотал головой. Где-то внутри него уже начали складываться планы на будущее группы.

– Значит, нужно дать интервью в журнале. Итак, мы предлагаем вам контракт на запись сингла. Думаю, четырех песен будет достаточно. У вас есть что-то новое?

Дзюн кивнул. Вдруг начала сбываться его мечта, а он и слова не мог произнести, и все мысли улетучились из головы.

– Приносите завтра, я прослушаю это. Завтра же мы подпишем контракт. Не хотите попробовать себя в стиле visual-kei?

Дзюн не очень приветствовал это направление, поэтому осмелился покачать головой.

– Ладно, – не стал спорить Учияма. – Мы придумаем вам свой стиль.

– А когда мы приступим к записи? – спросил заинтересовавшийся вопрос Дзюн.

– Послезавтра. Так что готовьтесь и заканчивайте то, что ещё не закончено. А сейчас не смею вас задерживать.

Учияма поднялся и сел обратно за стол. Больше он не обращал внимание на Кикучи Дзюна, занявшись многочисленными бумагами, лежавшими на его столе. Гитарист лишь встал, поклонился и ушёл. Он тихо прикрыл за собой дверь, но пройдя пару шагов громко воскликнул трудно идентифицируемое слово и пританцовывая отправился к лифту. Первый, кого он хотел обрадовать, был...

– Знаешь, с кем я сейчас разговаривал?

– С Памелой Андерсон?

– Круче! С директором агентства «Матина». Короче, завтра мы все идем к нему.

– Уже завтра?..

Этот разговор получился довольно долгим, отчасти по причине того, что Кента был разбужен звонком. К концу разговора он проснулся окончательно, а ещё через пять минут к нему пришло осознание того, что они будут записываться в настоящей студии в настоящем агентстве! Первый порыв был позвонить Харуке, но палец ещё раз нажал кнопку на телефоне, и Кента набрал номер Томору. Барабанщик стал

третьим человеком, который узнал радостную весть о грядущей славе.

Вскоре уже все знали о предстоящем важном разговоре с важным человеком. Было тревожно и радостно одновременно. Кто-то хотел, чтобы время бежало быстрее, а кто-то боялся наступления заветного часа. И тем не менее, настало утро следующего дня. Уже скоро должен был наступить Новый Год, а у них в этот день наступит новая жизнь.

Переговоры прошли более чем благоприятно. Они договорились обо всем: и о количестве копий, и о качестве музыки, и о названии их первого диска. Над названием думали особенно долго, солнце уже давно перевалило на вторую половину неба, а слова всё не находились.

– Может, «Осколки луны»? – предложил Кента.

– Слишком непонятно, – возразил Томору.

– А «Разные берега»? – сказала Харука.

– Глупость, – ответил на это Дзюн.

В итоге, было выбрано название «First», то есть первая студийная запись их песен. Это название было предложено самим Учиямой и поддержано всеми участниками группы. Переговоры закончились ближе к вечеру. Но к этому времени все бумаги были подписаны. Осталось единственное препятствие – необходимость присутствия родителей несовершеннолетних участников при подписании окончательных бумаг. Это было отложено на некоторое время, потому что могло продлиться долго. Вряд ли родители Харуки сразу

согласятся на такую аферу, а отец Дзюна...

На следующий день была назначена первая запись. Было решено начать с «Be my one», песни, которую они написали ещё полгода назад. Согласовав это с директором, они приступили к записи. Как же это было незабываемо и волнующе – записываться в настоящей студии, в настоящем агентстве! На время каждый забыл о своей остальной жизни, все были увлечены только музыкой. Предлагались новые слова, новые аранжировки...

Так прошло немало времени. Месяц пролетел незаметно. К своей обычной жизни они возвращались, только выйдя из студии, да и то все мысли оставались там. И уже скоро должно было настать второе февраля, день окончательного приобретения свободы и вступления в права наследства у Дзюна. Свой день рождения он праздновал не так весело и с размахом, как можно было бы представить и как можно было ожидать. Только поход в кафе с друзьями. Но в этот раз у него был ещё один гость.

Он не смог не отпраздновать этот свой особенный день рождения с Мидори. О ней он на время забыл, но вспомнил в этот значимый день. Он снова привел её к своим друзьям. Она, конечно же, как всегда поначалу немного стеснялась. А Кента нюхом чувствовал, что сегодня придётся подыскивать новое место для ночлега.

Впрочем, как бы то ни было, но теперь подпись отца Дзюна совершенно не требовалась, ему уже было двадцать лет,

и все заботы остались в том времени, когда он ещё не достиг совершеннолетия. Теперь Кикучи Шигео на время оставил его в покое, выжидая дальнейших действий сына.

А он ничего и не предполагал делать. Ему хотелось немного помотать нервы отцу и брату. Но по-настоящему всё его внимание занимала музыка. Запись сингла уже подходила к концу, оставались завершающие штрихи. На обложку диска было решено поместить фотографию человека, одиноко бредущего по берегу. Так как на модель тратить деньги не хотелось, то этим человеком стал Томору, самый высокий в их группе.

Вот и все! Пять тысяч копий на первый раз было очень даже неплохо. Теперь они ожидали новостей о продажах, зажав кулаки. Пришлось на время вернуться к своей обычной жизни. Если продажа пойдёт хорошо, было обещано заключить контракт на целый альбом.

– Не густо...

Это заключение Дзюн сделал после того, как узнал, что за неделю было продано всего около двух сотен копий.

– Да, не густо... – согласился Кента, подстригая ногти на руках.

Они были в квартире Дзюна, ничем особенным себя не утруждая. Приближался март, у Дзюна в колледже проходили экзамены, так что хочешь – не хочешь – раскрывать учебники надо, поэтому главный гитарист уже второй день зани-

мался непривычным для себя делом, то есть читал учебники. Несмотря на свою низкую посещаемость, Дзюн был далеко не так глуп, чтобы не понимать программу. Поэтому экзамены ему давались не так тяжело, как можно было бы представить.

Закончились и экзамены. Время неумолимо двигалось к апрелю. Все каникулы Дзюн и его друзья посвятили работе над песнями, которые должны были войти в альбом. Но агентство не спешило подписывать с ними контракт, продажи шли не так успешно. Оставалось только писать музыку.

– А давайте отправим нашу песню на радио? – предложил как-то раз Томору, когда они собрались на привычном месте на репетицию.

– Ты уверен, что её поставят? – с большим сомнением спросил Юта.

– А вдруг?

В последнее время Томору был полон энтузиазма. Он устроился на новую хорошо оплачиваемую работу, с которой, самое главное, мог уходить пораньше, чтобы больше времени проводить с группой.

– По крайней мере, можно выложить нашу песню в интернет в свободном доступе, – вдруг поддержал Томору Кента.

– И так начнётся наше продвижение, – поддакнула Харука.

Сказано – сделано. Они выложили одну из своих песен в интернет, безграничное и бескрайнее пространство, туда, где

нет государственных границ. За один день количество прослушиваний насчиталось около полутора тысяч, и их тщеславию было отчасти удовлетворено. Комментарии были более чем положительными. После этого больше стали продаваться и их диски. После этого Томору всё же решился отправить их песню на радио.

Это было как раз накануне дня рождения девушки Дзюна, той, что уже давно побила все рекорды по времени, в течение которого он с ней встречался. Он так привык к ней, что решил даже не искать никакую другую девушку. Ведь на новую надо было тратить силы. А Мидори была полностью его.

Наступало утро, прерывая весёлые события ночи, разукрашенной электрическими огнями, красными, синими, желтыми, зелёными... После шумной ночи район Дотонбори* казался обезлюдевшим. В Осаке начинался новый день, овеянный нежно-розовыми лепестками сакуры.

Вместе с остальным городом просыпался и район Суминоэ, и каждая улочка в нем, и улица Нанко-дори, что недалеко от железнодорожной станции Китакагая, не стала исключением. Светлые лучи восходящего солнца коснулись и высоких, и наоборот, не отличающихся размерами зданий, и цветущих деревьев, и старейшего в городе маяка Такадору, возвещая о том, что его работа на сегодня окончена. Лучи коснулись и тонких золотых цепочек, к концам которых рукой искусного мастера были прикреплены маленькие цве-

ты сакуры, вместе образующие серёжки, одного взгляда на которые было достаточно, чтобы понять, что они не были куплены в каком-нибудь сувенирном магазине для туристов, которыми был переполнен город, переживавший самую прекрасную пору в году. Сережки переливались на солнце, отражали каждый лучик. В коробочке, которую в протянутой руке держал Дзюн, на чёрном фоне эти сережки выглядели просто чудесно. Мидори, одетая в сиреневую шёлковую блузку и белые брюки, неощутимо прикоснулась к ним, провела тонкими пальцами по одной из цепочек, посмотрела в темные глаза парня, улыбнулась. Хотя было раннее утро, автомобили уже напоминали о необходимости проснуться всем, кто еще нежился в своих мягких постелях, создавая непрерывный атрибут большого города – вечного машинного гула.

– Я думала, ты забудешь... – произнесла она, вынимая серёжки из коробочки. Они издали мелодичный звук.

– Забыть о твоём дне рождения? – воскликнул парень. – Да ты смеёшься! Это только ты можешь забыть о чем-то, если тебе нужен необычный кадр или что тебе ещё там всегда нужно...

– Дзюн, это действительно важно... Я всегда мечтала там учиться, и нужно постараться, – говорила девушка поучительным тоном. Она вкрутила сережки в мочки ушей. – Как?

Девушка повертелась перед парнем, удерживая волосы рукой, чтобы было видно украшение.

– Они тебе очень идут, – сказал Дзюн, улыбнувшись. Дзюн осторожно снял с её волос прилетевший лепесток сакуры, отпустил его путешествовать дальше, несомого ветром и золотыми лучами солнца.

– Спасибо, – только и сказала она, обняв его нежно.

Обычно он отвозил её в Осацкий Университет Искусств на своём мотоцикле. Не исключением стал и этот день. Дорога позволяла проводить больше времени вместе. Солнце по-весеннему ласково светило, ветер дул навстречу... Вдруг Дзюн почувствовал, что хотел бы всегда чувствовать это: тёплый ветер, прямую дорогу, любимую девушку, сидящую позади него и обвивающую его своими руками... Любимую? Неожиданно он испугался этого. Нет! Любовь – это блажь, её нет! Он чуть помотал головой.

Осацкий Университет Искусств был спрятан среди зелёных деревьев, густого покрова травы и свежего сладкого воздуха округа Минамикавачи. Место, наиболее подходящее для занятий искусствами, музыкой, живописью, кинематографом, анимацией и фотографией. Хорошее место, дающее множество возможностей. Вскоре ревуший мотор разрушил спокойную тишину университетского парка.

– До сколько ты сегодня здесь? – спросил Дзюн, когда Мидори уже успела отойти на несколько шагов от него, проворно прыгнув с сидения.

Она обернулась, чуть склонив голову к плечу.

– Я буду поздно...

– У тебя роман с твоим фотоаппаратом, – вздохнул парень.

– А у тебя – с твоей гитарой... – она засмеялась, в её глазах появился задорный огонёк.

– Но твой роман ведь не заведёт тебя куда-то далеко?

Он вспомнил о том, что она говорила недавно, что ей предложили поехать обучаться за границу. Недалеко. Но именно туда он бы не хотел отпускать её больше всего. Южная Корея! Совершенно недостойная страна, способная только копировать и повторять.

Мидори немного помолчала, задумавшись о чём-то глубоко.

– Я еще не решила окончательно, – она поправила волосы, растрепавшиеся из-за разгулявшегося ветра. – Но это хороший шанс... Другого такого не будет. Будешь скучать? – она внимательно посмотрела на него.

– Еще спрашиваешь... – парень нахмурился. – Поедешь туда, в эту грязную страну...

– Не переживай, – она подошла к нему вплотную. – Я никуда не уеду, это слишком далеко. Как же я тебя оставлю здесь одного, без присмотра? – она обняла его за шею. – Я ведь тебя люблю...

– Я тоже, – он крепко обнял её в ответ. – Ты даже не представляешь как.

Раздался далекий звук электронной мелодии, обозначавшей начало занятий в университете. Мидори спохватилась,

посмотрев на часы, в последний раз поцеловала Дзюна. Быстрым шагом девушка направилась по витиеватой дорожке.

– Мидори... – позвал он её. Она снова обернулась. – Не забывай о своём обещании.

Она кивнула и поспешила по направлению к главному входу в университет.

А он отправился обратно в Осаку. В этот день они с группой договорились записывать песню, которую репетировали уже несколько дней. Они нашли сравнительно недорогую студию, потому что контракт с агентством все не продлевали, и они решили взять свою дальнейшую судьбу в свои руки.

– Мы тебя уж заждались...

Этими словами его встретил Кента. Музыкальная студия находилась на северо-западе города, была маленькая, тёмная, но сравнительно уютная. Все уже были в сборе, Шибутани, заслуженно получивший свои извинения после встречи с директором музыкального агентства, также прибыл сюда. Работа началась.

Но запись всё не получалась, то кто-то сбивался, то техника давала сбои, то кто-то просто не мог выдержать вид зеленоватых волос Кенты, который по рассеянности перепутал в магазине краску для волос. А может, они просто с нетерпением ждали, пока на радио прозвучит их песня, потому что именно этот день был им обещан как день эфира.

– Кента-кун, твоя краска тебе зрение испортила? – раз-

дался насмешливый голос Томору. – Как ты мог цвет перепутать?

– Там темно было, ночь, плохое освещение... – объяснял Кента.

– А по-моему, ему очень даже идёт, – игриво заметила Харука.

– Ещё бы водорослями обвиться, и...

– Тссс! Тихо... сделайте погромче, – прервал обсуждение Юта.

Все принялись слушать радио, Кента прибавил громкости в колонках.

– Это реклама, – идентифицировал звуки по радио Дзюн.

– И всё-таки мы поспешили. Не надо было относить эту запись на радио, она ещё сырая, – сказал Юта. – Пускай бы в интернете оставалась... Вряд ли они её поставят.

– Не убивай всю надежду, – прошипел на него Томору.

Компания принялась игнорировать пустые звуки глупой рекламы дальше. Совершенно ничего интересного... Харука начала снова стучал пальцем по одной клавише. Но вдруг...

– А теперь, – говорил ведущий музыкальной программы, – настёт время активных ритмов и стремительной мелодии, потому что следующая композиция заставит вас проснуться от скучных трудовых будней... Впервые в эфире нашего радио группа Неу-уо!

Помещение заполнили звуки знакомой мелодии, над которой они так долго работали. В одно мгновение в малень-

ком помещении, отделённом от основного стеклом, раздались тысячи радостных криков, хотя там находилось всего пять человек.

Дзюн почувствовал себя на сто седьмом небе от счастья, настолько высоко, что перестал ощущать действительность. Вдруг он обнял Харуку, просто потому, что ему необходимо было кого-то обнять, и начал целовать, не помня себя.

– О, тут уже и обнималовка пошла... – смеясь, заметил Юта, когда общая радость поутихла. По радио продолжала проигрываться их песня, близившись к концу, где должно было быть соло Дзюна.

– Эй, Дзюн, про свою Мидори уже забыл? – спросил Кента.

– Это неважно... – ответил Дзюн, оторвавшись наконец от губ Харуки, но продолжая удерживать её за талию. – Много зелёного* надоедает... Ты здесь? – вдруг воскликнул он, заметив Мидори, так неожиданно появившуюся в другой половине студии из ниоткуда.

По щеке её скатилась слеза, одновременно с этим на пол упал медиатор, который она всё это время удерживала в руке. Она уже сделала шаг назад, но он окликнул её, отпустив Харуку, словно и не удерживал вовсе.

– Мидори, ты всё не так поняла... – он хотел выйти из освещённого помещения, ограниченного стеклом, но Харука удержала его за руку и отпускать не собиралась.

– Я уже достаточно услышала... – тихо сказала она. – Мне

хватило этого, – она смахнула рукой вторую скатившуюся по щеке слезу. – Желаю удачи на музыкальном поприще...

Она ушла, оставив Дзюна посреди всеобщей радости одного, совсем одного... Он не мог сдвинуться с места, к нему прикасалась счастливая Харука, а он не замечал её. Он понимал, что если он побежит за Мидори сейчас, остановит, она не поверит, будет только хуже. Что же делать? Он опустил голову, потёр переносицу, но ни одна разумная мысль не приходила в голову.

Раздавшийся телефонный звонок прервал всю мыслительную цепочку. Дзюн даже не сразу понял, что звонит именно его телефон.

– Да? – безжизненным голосом ответил Дзюн.

– Это Учияма. Я только что услышал вашу запись по радио. Хочу предложить вам новый контракт. Теперь я предлагаю записывать вам альбом. Согласны?

Директор «Матина» давно понял, что вести переговоры с их менеджером бесполезно, поэтому обо всех важных вещах привык разговаривать либо с Томору, либо с Дзюном. Новый контракт пах славой и популярностью. Как же от него отказаться? Прослушав речь директора до конца, Дзюн не раздумывая согласился на предложение, на время забыв о своих сердечных проблемах. Неужели это с ними происходит? Такое даже в самом радужном сне не могло присниться! Они на следующий же день полностью окунулись в работу. Всё остальное оказалось не таким важным, как запись своей соб-

ственной музыки, которая может принести заоблачную популярность и целые миллионы иен.

*Мидори – «зеленый», «зелень», яп.

Дни пробегали со скоростью света, и вот по окончании месяца уже почти был готов целый альбом, содержащий целых пятнадцать новых песен и тех, которые оставались до этого времени не исполненными перед публикой.

Только в этот момент Дзюн вдруг вспомнил о девушке, которая была совершенно не похожа на всех остальных. Он позвонил два раза на её телефон, но она не брала трубку. Странно... Обычно такого не было. После этого он решил позвонить к ней домой, но...

– А вы не знали? – отвечала её мать. – Она уехала.

– Куда? – Дзюн снова потерял способность двигаться, даже пальцем не мог пошевелить.

– В Корею, – ответила её мать с нескрываемой неприязнью в голосе к стране, куда уехала её дочь.

Этого он ожидал меньше всего. Неужели она так не могла пережить тот глупый поцелуй? Он ничего не понимал. Значит, Мидори его, правда, любила? Вдруг он задумался. А он?.. До сих пор Дзюн не знал, что такое любовь, и сказать, что он её почувствовал в этот раз, не осмелился бы. Страшно признать, что он, такой холодный, такой самостоятельный, может от кого-то зависеть. Такого просто не может быть!

Дзюн отправился на работу, даже не зайдя в дом к Томо-

ру, как он это обычно делал. Даже старший менеджер удивился тому, насколько рано он пришёл. А в голове уже начал складываться не оформленный до конца план.

Она была слишком необычной.

===== Страна утренней свежести. =====

– Куда уезжаешь?.. – не поверил Кента своим ушам.

Он как всегда находился в доме у Дзюна и был в самом расслабленном расположении духа. За окном царила самая настоящая весна, а солнце уже начинало припекать неосторожных прохожих, зазевавшихся на улице и не прихвативших с собой зонтики от дневного светила.

– Туда, туда... – усталым голосом ответил друг.

Работа над альбомом была уже почти закончена, оставались только технические доработки, которые могли бы пройти и без него. У него было достаточно денег для того, чтобы провести в другой стране столько времени, сколько нужно. Он мог...

А собственно, зачем ему туда? В городе множество симпатичных девушек, готовых тут же упасть перед ним. Дзюн был достаточно популярен среди представительниц женского пола. Но нет. Вдруг, когда Мидори оказалась недоступна, оказалась в другой стране, он нестерпимо захотел, чтобы она была только его. Он боялся разбираться в себе, до сих пор придерживаясь мнения, что любовь – это выдумка писате-

лей. Он боялся ощущать эту теплоту в сердце, когда он думал о ней. Он только хотел обладать ею.

Через два дня окончательной борьбы между безразличием и чем-то светлым и тёплым в сердце Дзюн решил окончательно о своей поездке и ещё через день держал в своих руках билеты в Сеул. Он так не хотел ехать туда, совершенно не понимал, почему она выбрала именно эту страну. В Осаке и так полно корейцев, от них просто в глазах рябит, а она уехала туда, где их ещё больше. Дзюн решил закрыть на всё это глаза, хотя и получалось плохо.

Ни с кем особенно не прощаясь, он отправился в аэропорт Кансай. Наушники издавали стройные ритмы рок-групп восьмидесятых годов. В голове раздавался внутренний голос. «Что ты делаешь? Куда идёшь?». «Вернуть её», – был ответ. И тот голос, во всём сомневающийся, ничего не возразил. Небо было безоблачным, погода – не жаркой. Лететь совсем немного. И он сел в самолет, большой, на полторы сотни пассажиров. Дзюн смотрел на то, как родная земля становится все дальше, дальше... Он почти не взял с собой вещей. Только самое необходимое. И диск с записью. Он так хотел, чтобы Мидори его услышала.

Кикучи Дзюн совершенно не знал корейский и совсем не понимал, зачем этот язык когда-то учила Мидори. Он был уверен, что все и так должны были понимать его, но, как только он вышел из здания аэропорта Кимпхо, его постигло полное разочарование. Мало кто мог его понять, особен-

но с его кансайским выговором. Пришлось покупать карту и справочники. Всё ему здесь было не так, всё было неправильно. Он тысячу раз проклинал своё решение отправиться вслед за ней.

Ему удалось устроиться в более менее приличной гостинице. Номер был на последнем этаже, так что из окна можно было увидеть полгорода как на ладони. Сеул сверкал всеми красками, всеми огнями. Не такое зрелище он себе представлял, думая, что в этом городе сплошная грязь и невежи. Служащие гостиницы хорошо говорили по-японски, так что от них он смог получить немало информации. Они и сказали ему, что лучшее место в городе, где собираются туристы, – это фонтан Чхонгечхон. Туда он и решил отправиться для начала.

Днём солнце сильно припекало, так что он решил отправиться туда вечером. Тем более что к вечеру там собиралось больше туристов. Одевшись как обычно, в простых чёрных джинсах, на поясе которых болтались металлические цепи, чёрной футболке... Надев на себя наушники, он отправился к указанному месту.

Что ж, фонтан был действительно красив. Он подсвечивался разноцветным светом в самом начале, словно это было сказочное устье, и превращался в небольшую реку, которая быстро несла свои воды дальше, по своему устью, насколько хватало глаз. Немного полюбовавшись на разноцветное водное создание, Дзюн принялся рассматривать посетителей

этого места. По большей части это были местные жители. Но было много и туристов. Европейские гости так и фотографировались на фоне этого фонтана. Но тут...

Дзюн увидел её сразу же, как только посмотрел на толпу, скопившуюся у самых перил, ограждавших набережную от воды. Это она, точно! Как всегда, с фотоаппаратом в руках, восторженными глазами. Он быстро подошёл к ней. Только тогда она заметила его.

– Ты здесь?

Мидори совершенно не верила своим глазам. Ей было страшно на него смотреть. А Дзюн не верил, что нашел её так легко, будто она специально его ждала.

– Да, здесь.

Он совсем не знал, что именно надо говорить. Такая ситуация для него была в новинку, он не знал, как поступать дальше. Солнце давно село, было темно, уже взошла луна, что делало её лицо ещё более бледным.

– Дзюн, зачем ты сюда приехал? – спросила она, до сих пор не в состоянии поверить, что видит перед собой очень важную составляющую своей прежней жизни.

– Хотел, чтобы ты знала, что я сожалею обо всём... Я заставил тебя плакать, – он невесомо провел тыльной стороной ладони по её щеке, – пожалуйста, прости меня за это.

Отчасти он говорил это от сердца, отчасти вспоминал фильмы, просмотренные давно с другими девушками в кинотеатрах. Тепло её щеки напомнило ему всё то тепло, что

она отдавала ему, напомнило тепло её тела. Но Мидори только отвернулась.

– Слишком поздно... – наконец, после долгого молчания, будто про себя, тихо сказала она, так и не взглянув на него. – Ты приехал только ради того, чтобы сказать это?

– Ты не отвечала на звонки, сменила номер... – Его голос стал громче, он старался вложить в свой голос все свои чувства, которые он вдруг осознал. На них начали оглядываться. – В другую страну уехала! Как я мог с тобой ещё связаться?

– И как ты меня нашёл? – она внимательно посмотрела на него.

– Сеул – маленький город, – пожал плечами Дзюн. – Грязный, неприглядный...

– Прекрати, – сквозь зубы произнесла Мидори, еле сдерживая злость от этих слов.

– Прости, – снова извинился он. После некоторого молчания решил перевести неудавшийся разговор в другое русло: – Я скучал по тебе, правда... И как тебе здесь живется?

– Прекрасно, – она попыталась улыбнуться, вышло плохо, отвернулась вновь. У неё всегда плохо выходило скрывать свои эмоции. Не исключением стал и этот раз. – А как ваша песня на радио?

– Крутят иногда... – рассеянно ответил Дзюн.

– А как твоя Харука?

И снова между ними воцарилось молчание, на сей раз со

стороны Дзюна.

– Хорошо, но... Она не моя, тогда я повел себя глупо, по-дурацки! Пойми, только ты мне нужна, больше никто, это правда...

Он подошёл к ней, попытался обнять, она не позволила, отступила на шаг. Раньше такого никогда не случилось. Ей нравились его прикосновения. Эта странность заставила Дзюна на секунду задуматься. Она стала другая.

– Осторожней, – сказала Мидори тихо, – много зелёного ведь надоедает, забыл?

– Я был неправ, прости...

Последнее, что хотелось слышать Мидори в этот момент – это извинения, слишком много их было произнесено в этот день, но время для этих слов уже ушло. Она долго подбирала нейтральные слова.

– И где здесь живешь сейчас?

– В гостинице, там неподалеку. – Парень неопределенно махнул рукой.

– И сколько еще здесь собираешься оставаться?

– Я приехал за тобой, – вдруг сказал Дзюн, снова попытавшись приблизиться к ней, взял её руки в свои. – Без тебя я не уеду... Поехали домой, слышишь?

Мидори медленно покачала головой, хотела отойти, но хватка оказалась сильнее, чем казалось сначала.

– Отпусти меня, – попросила она спокойно.

– Да что тебя здесь держит? – воскликнул Дзюн. Теперь на

него оглядывались почти все оставшиеся посетители одного из самых красивых мест города. – Фотографии? Это смешно! Опомнись, у тебя здесь ничего и никого нет, зачем тебе это всё? Ты моя, всегда была моей. . .

– Отпусти, – снова попросила она.

Этой просьбе не было суждено исполниться, Дзюн, не сумев сдерживать себя более, потянул её за собой, чтобы увести подальше отсюда, она уже поддалась, сделала несколько шагов против своей воли. Она просто обязана ему подчиниться! Дзюн увезет её домой, и они заживут по-прежнему. . . Все эти мысли крутились в его голове тёмным вихрем, заставляя сознание помутиться. Он просто не мог контролировать себя.

Неожиданно рядом с ними появился высокий парень. Сначала Дзюну показалось, что это полицейский, но слишком молод он был для служащего в полиции, да и одет он был в обычную одежду, не в форму. Дзюн непонимающе посмотрел на него, не обращая должного внимания, постарался заставить Мидори идти с ним дальше. Но парень схватил его руку, удерживающую Мидори. Нет, это уже выходит за всякие рамки! Корейцы и впрямь невежи. . . Парень попытался высвободить руку Мидори, но у Дзюна была сильная хватка. Тогда он сказал что-то по-корейски, что-то угрожающее, и ухватился за его пальцы, вознамерившись их сломать. Тогда Дзюн испугался. Как же он сможет играть на гитаре?

Мидори остановила его. Сказала несколько слов на корей-

ском, тёплых, успокаивающих. Хватка ослабла. Он отпустил Мидори. Она начала растирать своё запястье, а парень взял её руку и помог ей.

– И кто это? – спросил Дзюн девушку, мотнув головой в сторону парня, даже не удосужившись обратить на него внимание.

– Мой друг, – коротко ответила Мидори, всё ещё растирая запястье.

– Вот как... – протянул он.

Парень всё ещё продолжал растирать её запястье, не обращая на Дзюна внимания.

– Значит, вот, что тебя здесь держит... – произнёс Дзюн, кивнув в подтверждение своих догадок, – точнее кто, – исправил он самого себя.

Мидори бросила на него взгляд, полный прежней обиды, ставшей лишь горше от только что совершенных действий, только что сказанных слов.

– Тогда подумай пока над моими словами, – продолжал Дзюн. – Я подожду, без тебя не уеду, помни это.

Не прощаясь, он резко повернулся и пошел в противоположную сторону, тут же поднявшись по каменной лестнице. Его предположения и догадки совсем не были похожи на реальность, с которой он столкнулся в этот день. Он думал, что Мидори до сих пор тоскует по нему, оказалось же, что она уже нашла себе нового воздыхателя, да к тому же корейца! Нет, он должен увезти её отсюда, чего бы это ни стоило.

Он решил начать с цветов. Самых настоящих и живых. Ещё раз встретить её у фонтана вряд ли получится, поэтому нужно узнать, где она живет. Мидори говорила когда-то, в каком университете ей предлагали учиться по обмену, но название полностью вылетело у Дзюна из головы. Пришлось заниматься простым поиском в Интернете в своём телефоне. На это ушло полдня. Да, он нашёл этот самый университет. Но, позвонив туда, узнал, что никакая Наойя-сан в университетском общежитии не живет. Неожиданно для себя он вспомнил, что она говорила, что её двоюродная сестра недавно вышла замуж за корейца. Может, Мидори живет у неё? Она даже открытку с её свадьбы показывала... И там должен быть адрес! Пришлось звонить Кенте, чтобы тот нашел эту открытку, забытую ею в его квартире, и посмотрел адрес. На вопросе, когда он собирается возвращаться, Дзюн оборвал связь.

На следующий день он купил букет, вложив туда их фотографию, где на обороте написал «Прости. Помни», и отправил его по недавно узнанному адресу. Он надеялся, что воспоминания пробудятся в ней, когда она увидит фотографию, где они вдвоём, счастливые, вместе, на фоне океана. Он продолжал звонить ей, но телефон оставался выключенным. Как же сложно склеить то, что было разбито в один миг! Он совсем не понимал, что же ей надо. Он даже в другую страну за ней приехал! Нашёл, унижался перед ней... Такого с ним ещё никогда не происходило.

Дзюн продолжал посылать ей цветы, но никакого ответа не было. Пустое пребывание в этом глупом городе уже успело наскучить ему, ведь ему не к чему было посещать всякие достопримечательности. Он знал, Мидори его не слушает.

Идея связаться с ней через другого человека пришла неожиданно, благодаря обстоятельствам. Дзюн не знал, кем был этот парень возле неё, не знал даже его имени. До поры до времени. В основном находясь в номере гостиницы, он часто переключал каналы телевизора. В один из таких дней он наткнулся на интересную передачу. Точнее прямую трансляцию футбольного матча. Дзюн никогда не интересовался футболом, но именно эта трансляция заставила его обратить на себя внимание.

Лицо игрока, вышедшего на поле из числа запасных, показалось ему знакомым. Да нет, не показалось, он его знал! Это он, тот самый, что вился около неё. Ю Чонхо... Это имя он запомнил сразу. Матч проходил на одном из стадионов Сеула, совсем недалеко от места, где расположена гостиница. Решение пришло со скоростью молнии, он тут же поднялся с кровати и вышел, даже забыв выключить телевизор. Несомненно, Мидори доверяла ему, поэтому он должен был поговорить с этим парнем.

Но это оказалось невозможным. К тому времени, как Дзюн приехал к стадиону, матч уже завершился, а найти какого-то отдельного игрока не представлялось возможным. Этот парень снова ускользнул от Дзюна. Но на этом он не

сдался.

Дзюн знал имя, этого было достаточно. Вернувшись в гостиницу, Дзюн приступил к поиску этого парня в Интернете. Он немного удивился, что его нет в социальных сетях, и уже почти отчаялся, когда солнце уже давно зашло. Он так и заснул склоняясь над планшетом. Утром, быстро перекусив в кафе, он снова принялся за поиски. И вот к вечеру судьба подготовила ему новый сюрприз. У одной из мелких фирм по доставке продуктов имелась база данных с информацией на всех работников. Среди этих работников Дзюн и увидел его. Там и был адрес проживания. Так вот чем он занимается... Неожиданно.

Он решил пойти туда на следующий день. Район Куро оказался сборищем бедных домишек. На секунду Дзюн даже испугался подхватить какую-нибудь заразу. Он долго искал указанный в анкете дом, но, в конце концов, ему удалось это сделать. Совершенно непривлекательный одноэтажный дом скрывался за деревянными воротами. Он уже ожидал, что придётся стучать, но сбоку от ворот всё же обнаружился звонок. Он ждал долго, но ему так никто и не открыл.

«Ксо... где ты бродишь, Ю Чонхо?», – прошептал Дзюн, потеряв всякое терпение. Он подождал ещё немного, но так никто и не появился. Пришлось идти обратно в гостиницу. Мало ли что в этом районе может произойти после наступления темноты.

«Много зеленого... – бормотал он по пути к автобусной

остановке. – Это не надоедает. Это просто одержимость! Что ты со мной сделала? Разве не понимаешь, что должна быть только моей?». Так он шептал долго, кто-то смотрел на него, кто-то оборачивался, кто-то слушал... Ему оказалось сложно в этой стране, и во всём он винил только её.

На следующий день, пасмурный и неприветливый, Дзюн снова пришёл к этому дому. Он просто долго ждал. Что-то подсказывало ему, что в этот раз парень появится сам. И интуиция не обманула его. Чтобы скрасить одинокое ожидание, он начал вертеть в пальцах монету в сто иен. За время, проведённое в гостинице, он сумел выучить несколько фраз на корейском, чтобы хоть как-то облегчить общение.

– Добрый день, – сказал он, как только увидел Чонхо.

Тот подъехал на мотоцикле, новеньком, даже японской марки. Это добавило в сознание Дзюна ещё большее раздражение. Парень слез с мотоцикла, подозрительно глядя на японца.

– Здравствуй... Дзюн, – в ответ поприветствовал его Чонхо. – Не утруждай себя, можешь говорить на японском, как-нибудь пойму.

– Она уже всё рассказала тебе, да?

– Она ничего не говорила, только имя твоё назвала.

– Вот как...

Дзюн снова принялся за сверкающую монету в сто иен, задумавшись о чём-то.

– Зачем пришел? – довольно резко и совсем негостепри-

имно спросил его Чонхо.

– Так грубо... – Дзюн уже хотел возмутиться совсем, но всё же сумел подавить порыв. – Мне нужно, чтобы ты меня выслушал.

В небе было всё больше и больше плотных облаков, преграждающих путь солнечным лучам. Ласточка пролетела низко над землей.

– Говори.

– Знаешь... Мы давно с ней знакомы, долго были вместе. Она не говорила? И теперь я не могу видеть её, говорить с ней. Она не позволяет. Знаешь, как это тяжело? – Дзюн внимательно посмотрел в необычно светлые глаза.

– А ты сам не сделал ей больно? Плакать не заставлял? – Чонхо раздражался все больше.

– Рассказывала.

– Нет, догадаться и так можно.

– Я совершил огромную ошибку, я говорил об этом, скажу снова. Но я не могу ей дозвониться, даже если дозвонюсь или встречу её, она не захочет меня слушать. Я просто хочу, чтобы она поняла, что я сожалею.

В какой-то мере Дзюну было противно от того, что он исповедовался перед человеком, которого видит второй раз в жизни, к тому же перед корейцем. Но остановиться уже не мог. С неба сорвалась холодная хрустальная капля.

– И при чём тут я? – поинтересовался Чонхо.

– Тебя она послушает. Точнее... – Дзюн задумался, достал

из кармана маленькую квадратную коробку. – Просто отдай ей это, – он протянул коробку Чонхо. – Тогда она услышит меня, всё поймёт.

Чонхо нехотя взял коробку, осмотрел с обеих сторон. На землю упало ещё несколько прозрачных капель.

– Что там?

– Диск, там только один файл. Попроси её послушать его.

– Зачем я должен делать это? – спросил Чонхо, нахмутив брови.

– Я не хочу, чтобы она огорчалась, вспоминая обо мне. Если ты её любишь, позволь, чтобы у неё был выбор.

– Если я люблю её, то тебе помогать не должен, не так ли?

– Ты уверен в этом? О ней ты подумал?

– Я... – Кореец не смог подобрать слов, замолчал, а может, просто не смог перевести то, о чем думал.

Вдруг дождь полился с намного большей силой, грозя непредусмотрительным прохожим не оставить ни одной сухой нитки на них. Не обращая внимания на обрушивающуюся воду и отсутствие зонтика, Дзюн подставил ладонь каплям, словно хотел собрать их, наблюдая, как хрустальные посланцы неба стремятся пронзить светлую кожу. Чёрные пряди волос прилипли к лицу, чёрные глаза смотрели в пустоту.

– Ну ты... – начал было Чонхо, но передумал продолжать разговор. Не тратя времени на формальное прощание, он поспешил открыть ворота, чтобы завести мотоцикл во внутренний двор.

– Отдай ей диск, – вдогонку крикнул ему Дзюн, после чего быстрым шагом повторил вчерашний путь к автобусной остановке.

Он шёл не оглядываясь, ему незачем было смотреть на этот обветшалый дом, на этого недалекого парня, которого она временно предпочла ему. Больше он ничего бы не смог сделать, только ждать. Перед своим отъездом из Осаки Дзюн записал песню, куда вложил всю свою душу, используя тот медиатор, который она хотела ему подарить, но обронила в студии. Он спел ей, как когда-то, надеясь, что та песня воскресит чувства, которые Мидори когда-то испытывала к нему.

Дождь подгонял его, но он совсем не чувствовал холода.

День, два... Мидори не звонила ему. Дзюн был уверен, она прослушала файл, он ведь смог подобрать верные слова для этого Чонхо, если он его понял, конечно же. Но она продолжала молчать. Что ж, впервые в жизни ему придется отступить от своей цели. Он был нужен в другом месте. Да и денежные запасы уже заканчивались.

Напоследок Дзюн позвонил ей. И она ответила...

– А мы думали, ты уж не вернешься!

С этими словами на него налетела Харука, обнимая и не давая возможности освободиться. Прилетев обратно, Дзюн в тот же день пошёл в дом к Томору. Там оказалась вся группа.

Они встречали его шумно, весело, так что он на время забыл о своей неудаче.

– Кстати, вот, возьми, – сказал после первого порыва радости Кента, протягивая медицинскую маску Дзюну. – Нас теперь на улицах узнают, автографы просят...

Дзюн неверяще посмотрел на солиста. Ещё несколько секунд он медлил взять маску.

– Видишь ли, – сказал Томору, – после того, как ты соизволил уехать неизвестно куда, началась продажа нашего альбома. За неделю продали пятьдесят тысяч. Не так много для мировых звёзд, но для новичков, вроде нас, очень даже хорошо.

– Да, мы теперь айдолы! – подхватил Юта.

Дзюн ещё некоторое время осмысливал информацию. Он не мог поверить всему этому. Неужели мечта начала сбываться?.. Все мысли перепутались в голове, а он даже не мог подобрать слов, чтобы выразить все эти запутанные чувства. На языке вертелось только одно:

– Тогда вперед, на мировую сцену!